

Юрий
НАГИБИН

*В*СПОЛОШНЫЙ
ЗВОН
Книга о Москве

Юрий Маркович Нагибин Всполошный звон. Книга о Москве

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=425272

Всполошный звон. Книга о Москве / Ю. М. Нагибин.: РИПОЛ классик; Москва; 2010

ISBN 978-5-386-02158-0

Аннотация

В книге крупнейшего русского писателя Юрия Марковича Нагибина рассказывается об истории Москвы, ее архитектуре.

Старинные здания наполняются историями жизни их прежних обитателей. Большой знаток Москвы, автор проводит читателя по ее древним улицам и площадям, сопровождая эту прогулку захватывающими рассказами и личными воспоминаниями.

Книга будет интересна широкому кругу читателей еще и благодаря богатейшему иллюстративному материалу (220 фотографий). Книга может быть использована в качестве пособия для изучения истории Москвы.

Содержание

От автора	4
Государева дорога	6
Кремль. Красная площадь	32
Китай-город	54
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий Маркович Нагибин

Всполошный звон. Книга о Москве

От автора

Написав эти простые слова, я вдруг усомнился в их справедливости. Я ведь скорее собиратель этой книги, нежели автор, – столько в ней закавыченных и раскавыченных цитат: из Забелина, Сытина, Ильина, Александрова, Миловой и даже самого себя.

Я вовсе не старался сказать обо всем своими собственными словами и далеко не всегда силится «сметь свое суждение иметь». Я не считаю зазорным доверять мнению знатоков, посвятивших жизнь изучению Москвы, ее прошлого и настоящего. Я от души благодарен им за ту помощь, которую нашел в их содержательных и благородных трудах.

От меня в этой книге одно – чувство Москвы. Сильное, нежное, интимное, порой болезненное, идущее из дней моего начала. Вот тут я ничего не заимствую и ни на кого не опираюсь. Это мое. Поэтому автор у книги все-таки есть, и название заменяющих предисловие очерков законно.

Возможно, я мог бы написать другую книгу, сильнее отмеченную моей индивидуальностью, да я и так пишу ее всю жизнь: «Чистые пруды», «Переулки моего детства», «Школа», «Москва... как много в этом звуке» – и буду писать до конца своих дней¹. Но сейчас передо мной стояла иная задача: привлечь – и как можно скорее! – к Москве душевное внимание молодых ее хозяев. Тех, кто может сделать больше нас для сохранения (лучше бы сказать: для спасения) города, восстановления его исторически сложившегося лица.

А сейчас можно много, очень много сделать, не то что в наши дни, когда голос защитника Москвы был гласом вопиющего в пустыне.

Москве позарез нужны молодые силы. Недаром, когда жители Басманной и прилегающих улиц отстаивали Щербатовские палаты, решающий жест сделал школьник, подсыпавший сахар в горючее бульдозера, уже нацеленного на снос бесценной старины. Бульдозер не двинулся с места, было выиграно время, а в результате верховное московское начальство помиловало палаты. Конечно, я вовсе не призываю к тому, чтобы школьники при каждом удобном и неудобном случае сыпали сахар в бульдозеры, я призываю к защите и сохранению исторических ценностей Москвы.

Существует и обратная связь: не только Москве нужны ее молодые граждане, их горячие сердца, отсутствие робости перед властью предрержащими, сильные, готовые к труду руки, но и старая Москва нужна молодым, хотя они не всегда о том догадываются.

Подробно эта мысль развивается в очерке «Государева дорога», которым открывается книга. Я поставил его первым, хотя по всем законам разговор о Москве следовало бы начать с ее ядра – Кремля и Красной площади, но я боялся, что так будет слишком официально, а мне хочется установить с читателями более доверительные отношения. Да и самому мне надо было «разогреться» для разговора по душам.

¹ Книга «Всполошный звон» оказалась последней в творчестве Ю. М. Нагибина – когда она готовилась к печати, автор скончался.

Кабинет Ю. М. Нагибина на Красной Пахре.

Государева дорога

Почему так назван первый очерк о московских улицах, станет ясным в дальнейшем. А вначале мне хотелось бы поговорить о том, что дает человеку, тем более молодому, знание истории своего родного города. Наверное, оскомину набила фраза, что любовь к большой Родине начинается с любви к родине малой: своему городу, улице, переулку, двору, дому. Но это святая правда, которую все знают умом, но далеко не все ощущают жаром и болью сердца. Константин Батюшков говорил: «О, память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной». Это справедливо и в отношении знания нравственных начал. Знание сердца сильнее знания рассудка.

Наш сегодняшний путь пройдет мимо Армянского переулочка, где более семидесяти лет назад я увидел свет. Я рад, что родился в этом некогда тихом переулочке, в прекрасной старинной части Москвы. В незапамятные времена переулочек носил название Столповского, по церкви Николая в Столпах, и еще он назывался Артамоновским, по двору знаменитого дипломата времен царя Алексея Михайловича, боярина Артамона Сергеевича Матвеева.

В Армянском, кроме дивной церкви Николая в Столпах, источавшей далеко окрест себя теплый ладанный дух, стояла на церковном дворе с чудесной решеткой, под сенью вековых вязов, усыпальница бояр Матвеевых. Эта гробница была построена в виде римского саркофага с двумя портиками и колоннами в 1820 году на месте избы с высокой тесовой крышей – старой усыпальницы.

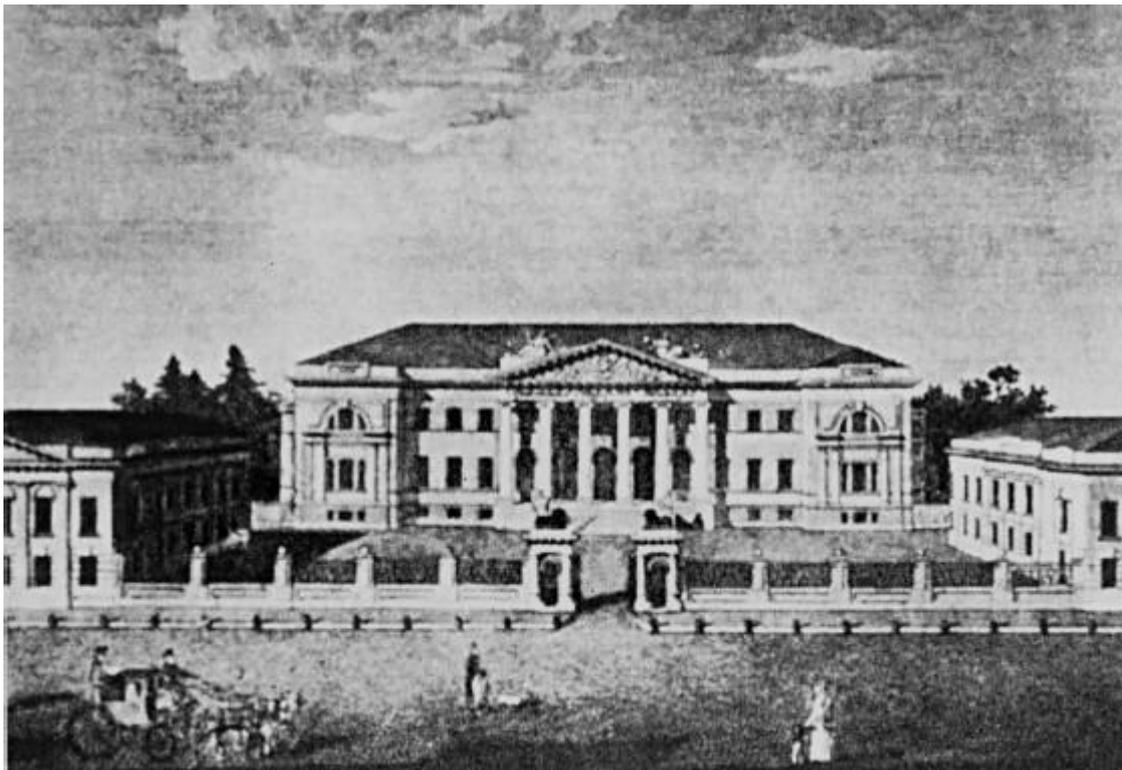
Было великим удовольствием перелезть через высокую решетку со стреловидными наконечниками, взбежать по замшелым, обшарпанным ступенькам и мимо источающих влажную стынь колонн испуганно просунуться к темному пролому в стене склепа, откуда шибало спертым могильным тленом. В кромешной тьме едва угадывались какие-то продолговатые каменюки – разбитые надгробья, но мы были убеждены, что видим кости и даже... обывательские боярские сердца. Да-да, я ничего не придумываю!..

А еще была у нас армянская – с высоким куполом – церковь в глубине обширного светлого двора. Эту церковь построила семья Лазаревых, возведенных Екатериной II в дворянское достоинство. Армяне испокон веку жили в нашем переулочке, отсюда и название его, но предприимчивый род Лазаревых – их шелка и парчи считались лучшими в Европе – покрыл невиданным блеском старое армянское подворье. Особенно преуспел действительный статский советник и командор Лазарев, завещавший своему наследнику построить училище для детей беднейших армян. Из этого училища возник впоследствии знаменитый Лазаревский институт восточных языков. Прекрасное здание его сохранилось в неприкосновенности и по сию пору. Равно и памятный обелиск замечательной семье Лазаревых.

И. Космин. Церковь Николая Чудотворца в Столпах. 1669 г. Фото 1880-х гг. Построена по приказу царя Алексея Михайловича на средства богатых и знатных прихожан. Название «Столпы» указывает, что здесь находилось приказное учреждение, видимо, конюшенного ведомства, именовавшееся «столпы».

А еще у нас был в переулке, да и сейчас стоит, дом, в котором провел детство и юность величайший философский лирик России Федор Иванович Тютчев. Там жили декабристы Завалишин и Шереметев; у последнего на квартире был арестован после разгрома восстания на Сенатской площади Якушкин, тот самый, о котором Александр Сергеевич Пушкин писал: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал царубийственный кинжал».

Армянское Лазаревское училище.

Гравюра А. Фролова. Сер. 1810-х гг. Основано в 1815 г. и содержалось на средства армянской семьи Лазаревых. С 1835 г. – гимназия, с 1848 г. – институт восточных языков.

Считается, что дети существуют вне истории, что жизнь их, пользуясь выражением бывшего жителя Армянского переулка Тютчева, «вся в настоящем разлита». Это не верно. Дети живут в истории, хотя она входит в их сознание нередко в причудливом мифологическом убранстве. Мы, дети лучших лет Армянского переулка (впоследствии этот переулок, как и вся Москва, много лишился, ничего не приобретя взамен), не были равнодушны к тому, что наше жизненное пространство украшает древняя церковь Николы в Столпах, что в церковном дворике тени деревьев накрывают единственную на всю Москву боярскую гробницу, что у нас есть Лазаревский институт и очень, очень старые дома, обиталища знаменитых русских людей. Мы знали, что многочисленные сады вокруг нашего дома (с лучшим из них – Абрикосовским) – останки громадных царских садов, что между нашим переулком и Старосадским находилась некогда Косьмодамиановская решетка, запиравшаяся на ночь, что другой стороной наш дом глядел на Меншикову башню с золотым шпилем. Нам как бы сообщалась некая избранность, и, право же, это очень хорошо, ибо другие ребята округи были отмечены и «вознесены» близостью Юсуповских палат или Покровских казарм. Главное – было бы чем гордиться. И мы гордились прошлым, так плотно обступившим наш старый дом.

Городская усадьба Тютчевых в Армянском переулке, где прошли детские и юношеские годы Ф. Тютчева. Кон. XVIII в. Фрагмент фасада. Фото 1994 г. Ф. И. Тютчев (1803–1873) регулярно бывал в Москве, останавливаясь, в частности, у своей сестры Д. Сушковой в Старопименовском переулке.

И я невольно задумываюсь о тех ребятах, чье детство проходит в новостроечных районах Москвы. Растет парень в своем микрорайоне, где есть и кино, и парикмахерская, и пошивочная, и сапожная мастерские, и библиотека, но этому парню нечем гордиться, жизненный обстав юного гражданина нового микрорайона лишен какой-либо характерности, особенности, он такой же, как у всех. Безликое, неотличимое от фона трудно любить. Штамп нельзя любить по-настоящему. Человеческая личность закладывается в детстве; от детских впечатлений, наблюдений, переживаний во многом зависит, каким станет человек. В смазанно-

сти окружающего трудно ощутить и собственную индивидуальность. Парень из Армянского переулка был особый парень, и чистопрудный – особый, и покровский – особый, и старо-садский – особый. А этот, из микрорайона, каков он? Общий, как все, – стало быть, никакой.

Квартал Армянского переулка.

Фото нач. 1930-х гг.

Слева – здание Лазаревского института, в центре церковь Николая Чудотворца в Столпах, вдали, справа, – церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровке.

Надо сказать, что самих строителей тревожит одуряющая безликость серых коробок, вырастающих, как грибы после солнечного дождя, на окраинах Москвы, и они пытаются внести некоторое разнообразие, декорируя балконы красными, желтыми, зелеными пластиками. Это было бы красиво, если б не удручающее качество краски – ныне же грязно-бурые и плесневые полосы лишь уродуют здания, не доставляя ни малейшего эстетического наслаждения. Некоторые озабоченные судьбой окраин люди предлагают призвать на помощь растительный мир.

Палаты бояр Милославских в Армянском переулке. XVII в. Фрагмент. Фото 1994 г. Старинные каменные палаты – памятник гражданского зодчества допетровского времени. Палатами назывались жилые дома бояр.

Чтобы наряду с неперменным озеленением – высаживанием в асфальт чахлах лип и тополей – каждый дом сам бы себя декорировал силами добровольцев-жильцов, выбирающих на свой вкус ель, пихту, лиственницу, березу или клен. А во дворах могли бы цвести сирень, жасмин, жимолость. Не надо забывать и вьющиеся растения... Впрочем, сейчас это не наша тема.

Но как бы ни выглядели новые районы, в них все равно не будет того, чем богата – до сих пор богата, несмотря на все тягчайшие потери, – старая Москва: связи с прошлым. Вот почему так важно сохранить исторический образ города. В памятниках архитектуры – деяния предков, героическая быль многострадальной русской столицы и нетленная красота. Пусть молодой человек, уроженец микрорайона, не увидит вокруг себя старины в благородной патине, он сядет в поезд метро или троллейбус и отправится в коренную часть Москвы, где на него глянет история задумчивыми ликами старых зданий. Даже о достопримечательностях Москвы, таких, как Василий Блаженный, остатки Китайской стены, Юсуповы палаты, дом Пашкова, Новодевичий монастырь, надо что-то знать, чтобы оценить по-настоящему, исполниться их прелести и важности. А что говорить о безымянных старых зданиях, обладающих своей тайной, – ведь Москва на редкость скупа на памятные доски. Для того и были задуманы очерки о московских улицах и площадях.

И начинаем мы с улиц Маросейка и Покровка. Конечно, меня тянет к родным местам, но основная причина этого выбора в том, что названные улицы – старейшие в Москве из всех, что вышагнули за Китай-город. Москва, кроме ее центральной части – Кремля, строилась по дорогам, ведущим из нее и к ней: Смоленской, Новгородской, Тверской, Дмитровской... В конце XIV века по этим дорогам возникали целые поселения, в дальнейшем они становились улицами, сохранив, как правило, те же названия. Быстрее, да и добротнее всего

обстраивалась та недлинная дорога, по которой русские государи ездили в свои подмосковные вотчины: Покровское, Измайлово, а позже и Преображенский дворец. Особенно охотно строились тут знатные люди, чтобы достойно принять притомившегося в пути государя. Ездили в те давние годы неспешно и охотно останавливались на отдых и трапезу. При Иване III по обеим сторонам Покровской были разбиты великолепные сады, которые поддерживались и подновлялись в последующие времена. Мое раннее детство прошло в чудесном Абрикосовском саду, где стояли неохватные трехсотлетние дубы и разлапистые клены. Когда в середине тридцатых этот сад уничтожили, чтобы поставить на его месте серое кирпичное здание школы, то память о садах средневековой Москвы осталась лишь в названии Старосадского переулка.

М. Казаков. Церковь Космы и Дамиана на Маросейке. 1791–1803 гг. Фрагмент. Фото 1994 г. Памятник архитектуры классицизма. Храм почти лишен декоративных деталей, за исключением двух двухколонных портиков со стороны улицы.

Для нас, нынешних, центр – это улица Тверская, Пушкинская площадь, Кузнецкий мост, Петровка. Житель XVII века, пользуясь он этим словом, имел бы в виду Покровку.

С XVIII века часть улицы от Ильинских до Покровских ворот стала называться Маросейкой, по стоящему в начале ее Малороссийскому подворью, где останавливались официальные представители Украины.

А в XIX веке Маросейку подрезали, она стала доходить лишь до Армянского переулка.

Ныне эта улица кажется настолько узкой, что на ней введено одностороннее движение. А еще в начале XX века в обе стороны грохотали конки, да не простые, а империалы, что значит – двухэтажные. Женщин на верхние места не пускали, это считалось опасным. По той же причине туда не пускали пьяных, которые в силу этого ездили только первым классом. От Ильинских ворот до Земляного вала конка шла около полутора часов. Но при всей своей медлительности часто давила людей. Весь темп жизни был так замедлен, что черепа-

шьего хода конки было достаточно, чтобы настигнуть и задавить пешехода, движущегося со скоростью улитки.

Дом на Маросейке, где в 1812 г. располагалась резиденция маршала Мортье. XVIII в. Фрагмент. Фото 1994 г. После эвакуации французов из Москвы в городе остался трехтысячный арьергард во главе с Мортье для взрыва Кремля. Полностью намерение Наполеона I осуществить не удалось.

Когда-то здесь заливались колокола многочисленных церквей, память о них сохранилась в названиях переулков: Спасоглинищевский – от Спаса в Глинищах, Петроверигский – по церкви Вериг Петра. Но сохранилась церковь Космы и Дамиана, построенная в исходе XVIII века великим русским зодчим Матвеем Казаковым, главным строителем Москвы. К сожалению, за спиной этой маленькой, необычайно соразмерной, изящной, как и все, что выходило из рук Казакова, церковки вознесся гигантский стеклянный куб и подавил творение гениального архитектора.

Вид Покровки от Армянского переулка. Фото нач. XX в. К 1914 г. в Москве насчитывалось около 450 церквей.

Среди них красочностью и оригинальностью выделялась церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Историк московских улиц Петр Васильевич Сытин пишет: «В современном владении № 11 по улице Маросейка, принадлежавшем в XVII веке боярину Шереметеву, а с 1604 до 1706 года В. Ф. Нарышкину и его вдове, в 1684–1708 годах помещалась сначала школа, потом гимназия пастора Глюка». Эрнест Глюк был, несомненно, выдающимся деятелем просвещения своего времени. Вот какая программа предлагалась для обучения юных москвичей: кроме древних и новых языков, географии, иффика (этика), политика, объяснение древних историков и поэтов (Курция, Юстина, Вергилия и Горация) и картезианская философия. По своей перегруженности она может поспорить с программой современной средней школы, но было у нее одно преимущество: гуманитарная направленность. Глюк хотел воспитать нравственного человека, а не набить молодую голову кучей точных и большей частью бесполезных сведений. При его преемнике программа еще расширилась, включила геометрию, физику, астрономию, а также логику, риторику, грамматику, музыку и «пристойное обхождение». Вот что следовало бы нам непременно позаимствовать у старинных наставников московского юношества.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Котельниках, на Покровке. 1696–1699 гг. Фото 1930-х гг. В. Баженов считал эту церковь ярко национальной по архитектуре. Храм называли «великолепным образцом московского барокко, не измененным позднейшими переделками».

Церковь Климента, папы Римского, на Пятницкой улице, что в Замоскворечье. 1756–1774 гг. Фото 1994 г. Памятник архитектуры барокко. Храм «выпадает из круга московских памятников данного периода, будучи наделен скорее чертами петербургской архитектуры, но архитектуры высокого стиля, притом не имеющей прямой аналогии с творчеством ведущих мастеров Петербурга», писал И. Грабарь.

К сохранившимся на Маросейке домам XVIII века принадлежит и дом № 2. Его избрал своей резиденцией маршал Мортье, назначенный Наполеоном комендантом Москвы. Не знаю, как досматривал Мортье за старой русской столицей, но улице, на которой жил, он уделил внимание и был потрясен дивным храмом Успения Пресвятой Богородицы. Мортье, конечно, не знал, что построил его в стиле нарышкинского барокко не обученный архитектор, а русский самоучка Петрушка Потапов на деньги купца Сверчкова, что, потрясенный его белокаменной резьбой, величайший русский зодчий Баженов ставил этот храм в один ряд с собором Василия Блаженного. Но что-то француз все-таки понял и воскликнул: «О, русский Нотр-Дам!» После чего приставил к нему солдат для охраны. И во время пожара и всех бесчинств, творившихся в Москве как неприятелями, так и отечественными мародерами, храм нисколько не пострадал.

Дом в Петроверигском переулке, где провел детство Н. Тургенев. Фрагмент. XVIII в. Фото 1994 г. Н. И. Тургенев (1789–1871) – декабрист, основоположник финансовой науки в России, один из учредителей Союза благоденствия и Северного общества.

Московским Нотр-Дамом называл церковь Федор Достоевский. Проезжая мимо нее на извозчике, он всякий раз выходил и благоговейно озирал дивное «дело рук человекашки Петрушки Потапова». Но храм не ушел от рук московских «радетелей» в середине тридцатых годов XX скорбного века. Галерея церкви вдавалась в узкую мостовую улицу и мешала извозчикам и немногочисленному автотранспорту. Уничтожили нарышкинское барокко, «московский Нотр-Дам», и на освободившемся месте открыли летнее кафе с зонтиками. Потом кафе отодвинули несколько вглубь. А ведь можно было отодвинуть храм, тогда это уже умели, или снести галерею, или убрать здания с другой стороны улицы. Возможны были любые решения, но выбрали наихудшее.

М. Быковский, Церковь Живоначальной Троицы, что на Грязях, у Покровских ворот. 1861 г. Фото кон. XIX в. Название храма объясняется тем, что к северу от него сквозь стену Белого города и церковный двор протекал ручей, который образовывал на Покровке грязь.

Некоторое представление об уничтоженном чуде дает красная церковь Климента, папы Римского, в Замоскворечье.

До войны 1812 года Маросейка, как и продолжающая ее Покровка, была улицей знати, но после знаменитого пожара и изгнания Наполеона социальный характер Маросейки изменился: знать уступила место купцам. В Петроверигском переулке стоит дом, приметный в истории русской культуры. Тут провел свое детство декабрист Николай Тургенев, тот самый, о котором Пушкин сказал в уничтоженной десятой главе «Евгения Онегина»:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Улица Покровка.

Фото 1980-х гг.

Слева – остатки церкви Живоначальной Троицы, что на Грязях. Название улицы – по храму Покрова в Садах (разобран в 1777 г.).

В XVII в. улица заселялась жителями дворцовых Бараишской и Казенной слобод.

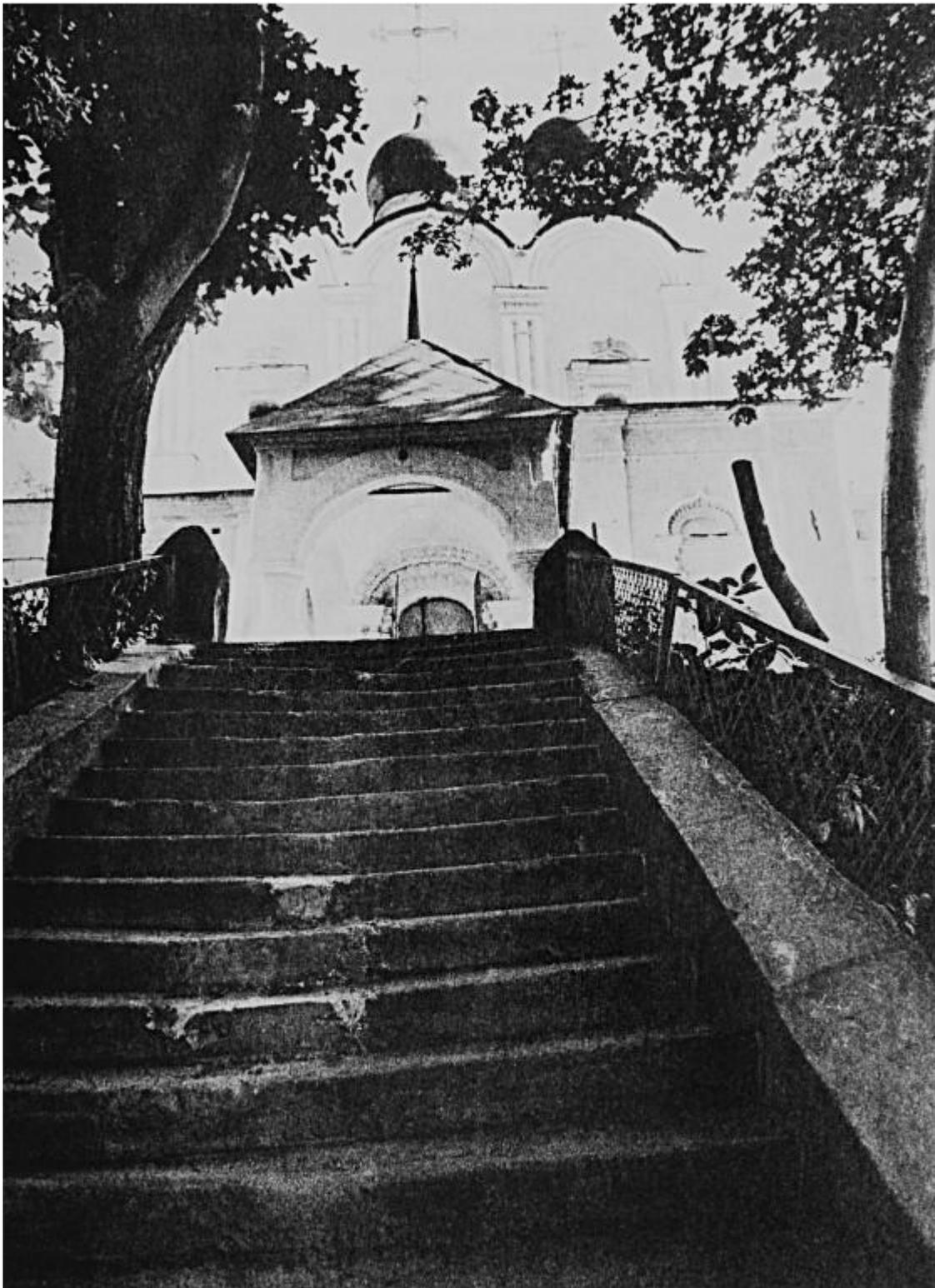

Конка на Покровке.

Фото нач. XX в.

В 1900 г. протяженность конно-железной дороги в Москве составляла около 90 км, число вагонов – 241.

В 1901 и 1911 гг. Городская дума выкупила права на эксплуатацию конки и постепенно заменила ее трамваем.

Церковь Живоначальной Троицы в Хохловке или в Старых Садах. 1696 г.; колокольня XVIII в. Фрагмент. Фото 1994 г. Название «Хохловка» известно с 1653 г. и говорит о Хохловых-Ростовских, проживавших в этой местности. После воссоединения Украины с Россией здесь селились украинцы.

Тут бывали Херасков, Карамзин, Жуковский. От аристократов дом перешел к чаепитовцам Боткиным, но не выпал из русской культуры, а остался связан с ней теснейшими узами. Эта семья дала трех высоко одаренных братьев: знаменитого врача-терапевта, именем которого названа одна из лучших московских больниц, основателя крупнейшей школы русских клиницистов Сергея Петровича Боткина, писателя Василия Петровича Боткина, автора «Писем из Испании», многих статей по литературе, искусству, в том числе нашумевшей статьи о поэзии Фета, и Михаила Петровича Боткина – живописца и гравера, автора книги об Александре Иванове. И была у них сестра Мария Петровна, ставшая женой великого русского лирика Афанасия Фета.

*М. Лялевич. Здание товарищества «Треугольник» на Маросейке. 1914 г.
Фрагмент фасада.*

Фото 1994 г. Улица возникла в XV в. В XVII в. на ней размещалось Малороссийское подворье. Отсюда ее название – Малороссийка, или Маросейка.

То не был брак по взаимной любви, каждый уже «пережил свои мечтанья» и надеялся обрести в другом лишь тихую пристань. Как и все браки, в которых не участвует сердце, он оказался на редкость удачным: долгим и прочным. Особенно повезло Фету, который на капиталы Марии Петровны смог развернуть свой недюжинный хозяйственный талант и стать крупным помещиком, что, как ни странно, совсем не мешало его тончайшей лирике. Мария Петровна, если верить ее брату Василию, земледельческие таланты мужа ценила менее поэтических. Наверное, так и было, если вспомнить сцену, разыгравшуюся в Ясной Поляне, в семье Льва Толстого, очень любившего Фета как поэта и человека. После пения гостившей в доме Татьяны Кузминской Фет вспомнил другой давний вечер, когда она тоже пела и пение это поразило его. Он написал ей стихотворение, которое заканчивалось так:

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,

И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Вся семья Толстых была в смущении, особенно Софья Андреевна. Я, правда, не знаю реакции самого Льва Николаевича. Но вот кто не дрогнул, так это Мария Петровна, она оценила стихи, до остального ей не было дела.

Афанасий Афанасьевич Фет бывал в Петроверигском, в этой чудесной усадьбе с большим нарядным домом и многочисленными флигелями.

А. Эрихсон. Здание издательства товарищества «И. Д. Сытин и К⁰» на Маросейке. 1913–1914 гг. Фото 1994 г. В доме размещался магазин по продаже дешевых изданий русских и иностранных классиков, учебников, календарей, энциклопедий, напечатанных массовыми тиражами.

В доме № 10 проживал в начале века знаменитый физик Лебедев, а по соседству на месте старинных Куракинских палат известный и решительный зодчий М. Лялевич построил для резиновой мануфактуры «Треугольник» громадный по тем временам дом в стиле классицизма. Этот дом сохранился по сию пору, но уже не служит резиновой промышленности.

А в Спасоглинищевском, круто спадающем в бездну, набитую по ночам звездами, стоит дом, возведенный Матвеем Казаковым, где жил знаменитый русский художник Абрам Архипов.

В доме № 7 по Маросейке, построенном на деньги известного книгоиздателя Сытина, находились книжный магазин и склады. Чудом полиграфии были подарочные издания Сытина. Мне когда-то подарили на елку «Детство, отрочество и юность» Толстого в сытин-

ском издании. Книга давно пропала, но ее переплет, шрифт, удивительные цветные иллюстрации до сих пор перед глазами. Это было одно из самых радостных чудес моего спартанского детства.

М. Казаков.

Дом в Спасоглинцевском переулке, где в 1899–1900 гг. жил А. Архипов. Кон. XVIII – нач. XIX в. Фрагмент. Фото 1994 г.

А. Е. Архипов (1862–1930) – живописец. Ученик В. Перова и В. Поленова. Автор жанровых сцен, главным образом из жизни крестьян.

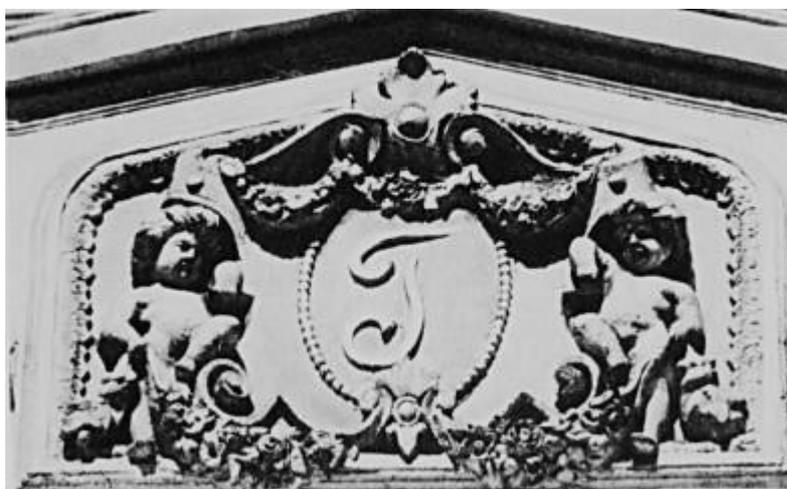
Закончить рассказ о Маросейке можно домом на углу с Армянским переулком. Создателем его считается гениальный и несчастный Василий Баженов, чьи самые величественные проекты не были осуществлены, а сделанное уничтожалось либо произволом ненавидевшей его Екатерины II, либо безжалостным временем. И этот дом неоднократно перестраивался, но «вычитать» в нем Баженова все же можно. Дом откупил у полковника Хлебникова генерал-фельдмаршал Румянцев-Задунайский, велев расписать внутренние покои фресками, изображавшими его победные баталии. После его смерти дом перешел к старшему сыну – графу Румянцеву, основателю Румянцевской библиотеки и музея. Для размещения своих книжных и художественных сокровищ граф приобрел дом Пашкова – самое красивое здание Москвы, также созданное Баженовым.

В. Баженов. Дом на углу Маросейки и Армянского переулка, с 1793 г. принадлежавший генерал-фельдмаршалу П. Румянцеву-Задунайскому, а затем его сыну графу И. Румянцеву. 1770—1780-е гг.; частично перестроен в 1880-х гг. арх. Г. Кайзером. Фото 1994 г. Памятник архитектуры классицизма.

Теперь мы перейдем к продолжению улицы Маросейки – Покровке.

Снова обратимся к московскому историографу Сытину. «Здесь по левой стороне в XVII веке жили слободой «котельники» – мастера, изготовлявшие котлы для варки пищи; по правой стороне – «колпашники», шившие «колпаки», мужские шапки того времени. Добавлю от себя: память об этих ремесленниках сохранилась в названии Колпачного переулка... Здесь до сих пор стоит дом гетмана Ивана Мазепы – отрицательного героя, как сказали бы сейчас, пушкинской «Полтавы»».

Фрагменты оформления фасада дома П. Румянцева-Задунайского. Фото 1994 г.

Переведем дух на дивных строках этой поэмы, помните – о казаке, что «при звездах и при луне так поздно едет на коне». Хорош конь под казаком, остер булатный меч, за пазухой мешок с червонцами, но дороже всего ему шапка на буйной голове.

Н. П. Румянцева (1754–1826) – государственный деятель, меценат. Его библиотека, коллекции рукописей, этнографических и нумизматических материалов легли в основу Румянцевского музея.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея Царю
Петру от Кочубея.

Торопитесь взглянуть на московское обиталище романтического злодея Мазепы, которому два великих поэта – Пушкин и Байрон – посвятили свои поэмы.

Палаты гетмана Украины И. Мазепы в Колпачном переулке и фрагмент фасада. XVII в. Фото 1994 г. Переулок назван по бывшей здесь в XVII в. Колпачной слободе, где жили мастера, изготавлившие мужские головные уборы – колпаки.

У Покровских ворот стоит дом, где прежде находился кинотеатр «Аврора», в пору моего детства – «Волшебные грезы». Сюда мы убежали с уроков смотреть захватывающие немые фильмы с «веселым, вечно улыбающимся» Дугласом Фэрбенксом, лучшим за всю историю кино д'Артаньяном, Зорро и Робинотом Гудом, таинственные фильмы с большеглазым Конрадом Вейдом и чувствительные ленты с печальной Лиллиан Гиш. С тех пор кино уж никогда не навевало на меня волшебные грезы.

Сытин считает, что это здание построено по типовому проекту петербургского архитектора Стасова, выполнявшего указ «полубезумного властелина» Павла I поставить у всех ворот снесенного Белого города «одинаковые фасадою» гостиницы. Здесь Сытин ошибся:

стасовская гостиница – не этот, а другой, низенький желтый дом, глядящий фасадом на Чистые пруды. Такое же здание завершает и Страстной бульвар.

Все покровские ребята, и я в их числе, называли красивый сине-белый дом с колоннами неподалеку от Покровских ворот голицынским комодом. Оказывается, дом-комод, прозванный так за многочисленные выступы, принадлежал Трубецким, которых в Москве называли – в отличие от других представителей рода – Трубецкие-комод. После дом перешел к Алексею Разумовскому, морганатическому супругу императрицы Елизаветы Петровны. Придворный певчий Алешка Розум был замечен влюбчивой Елизаветой и, как говорили тогда, «попал в случай». Елизавета Петровна настолько к нему привязалась, что захотела узаконить их отношения. Они повенчались в расположенной поблизости от дома-комода церкви Воскресения в Барашах, уцелевшей до нашего времени в обезглавленном виде. Баловень судьбы увековечен одной строкой стихотворения Пушкина «Моя родословная»:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов.

Так вот, насчет подпевалы придворных дьячков – это об Алексее Разумовском.

Много лет спустя, после смерти Елизаветы Петровны, знаменитый политик и неутомимый интриган канцлер А. П. Бестужев-Рюмин задумал выдать замуж императрицу Екатерину II за ее возлюбленного лейб-гвардейца Григория Орлова, помогшего ей овладеть тронном. Но осторожная и не столь уверенная в своих правах на престол, как дочь великого Петра, Екатерина колебалась. Бестужев-Рюмин ставил ей в пример Елизавету Петровну, не побоявшуюся ни Божеского, ни людского суда. Тогда Екатерина решила – в виде пробного камня – узаконить графа Разумовского как мужа ее тетки-императрицы, пожаловав ему титул императорского высочества. В Москву, где находился стареющий вельможа, был послан граф Воронцов. Вот как описывает это свидание знаток старины В. А. Никольский:

Вид Покровки от Покровских ворот. Фото 1910-х гг. На снимке видна двухэтажная каменная Москва с ее булыжными мостовыми, церквями, конторами, лавками, конно-трамвайными линиями.

«Воронцов застал старика-графа в его покровском доме сидящим у камина в той самой мраморной комнате, которая служила спальней новобрачных и, в общих чертах, сохранилась до сих пор. Разумовский прочел проект указа, молча встал с кресла, подошел к находившемуся в спальне комоду, отпер стоявший на нем богато отделанный ларец и вынул из потайного ящика сверток бумаг, затянутых в розовый атлас. Старик прочел бумаги, поцеловал их и, перекрестившись, бросил в огонь камина».

Заявив Воронцову, что он был только «рабом» Елизаветы, осыпавшей его «благодарностями превыше заслуг», Разумовский сказал, что у него не оказалось бы «суетности» признать свой брак, даже если бы он и существовал.

– Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов, – сказал он в заключение.

Именно этот в известном смысле героический поступок Разумовского и заставил, по-видимому, Екатерину отказаться от мысли «избрать себе супруга», а длинная вереница последовавших затем фаворитов показала, насколько мог бы быть прочным такой брак.

Архитектор школы Б. Ф. Растрелли. Дом Апраксиных (Дом Апраксиных-Трубецких) на Покровке. 1766–1769 гг. Фрагмент фасада. Фото 1960-х гг. Многочисленные портики, пышные декоративные детали, прихотливые изгибы стен придают дому-комоду впечатление праздничной живописности.

Современники дружно рисуют Алексея Разумовского как благородного и доброго человека, искренне любившего Елизавету и лишённого каких-либо честолюбивых замыслов. Но мне думается, его поступок был продиктован не только скромностью и бескорыстием, но и хохлацкой сметкой и осмотрительностью: не соблазнило на старости лет играть

в молодые честолобивые игры и наживать врагов-завистников. Он хотел спокойной старости и получил ее.

В упоминавшемся Барашевском переулке есть и другая, стройная, бордового цвета, церковь Введения во храм.

Сохранился на Покровке старый дом, принадлежавший княгине Голицыной – пушкинской Пиковой даме. Помните, какой увидел ее Германн, пробравшийся к ней в спальню, чтобы узнать тайну трех карт, приносящих выигрыш? «Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам. Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец, графиня осталась в спальняной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна».

Какая поразительная проза – ни одного лишнего слова!..

Вот как писал о Покровке в середине прошлого века один московский старожил: «Первый предмет, поражающий вас на этой улице, есть необыкновенное множество каретных и дрожечных лавок. Наблюдая далее за Покровкой, вы удивляетесь множеству пекарен, хлебных выставок и овощных лавок. Проезжая мимо, вы постоянно слышите, как бородастый мужик, хлопая по калачу, как паяц по тамбурину, кричит вам: «Ситны, ситны, калачи горячи!» Кроме того, перед вами мелькают замысловатые вывески, на которых написан чайный ящик и сахарная голова с надписью: «Овощная торговля иностранных и русских товаров». А потом вы видите вдруг пять или шесть белых кружков на синей вывеске, а сверху надпись бог знает какими буквами: «Колашня».

Портного ли вам нужно? Есть портной, и даже не один. Модистку ли вы хотите иметь? Вот вам несколько вывесок с чем-то очень похожим на шляпку. Нужна ли вам кондитерская? Добро пожаловать! Спрашиваете ли вы типографию? Извольте! Наконец, вот вам декатиссер, который выводит всех возможных родов пятна, даже пятна на лице».

Церковь Воскресения в Барашках. 1732–1734 гг. Фрагмент. Фото 1994 г. Барашевский переулок назван по бывшей здесь в XVII в. Барашевской слободе, известной с 1410 г. Барашами именовались слуги, возившие за царем в походах шатры и раскидывавшие их в поле для отдыха государя.

И хотя вы не услышите сейчас таких выкриков да и кондитерских с калашными не найдете, едва ли удивитесь обилию овощных лавок, насчет шляпок тоже не густо, общий рисунок улицы остался старинным. Здесь очень легко представить себе, какой была Москва в начале нашего века. И я уверен: если частная инициатива пробьется сквозь бюрократические препоны, сходство ее усилится, ибо появятся и кондитерские, и калашные, и овощные, и шляпные мастерские, и косметические на каждом углу, чтобы выводить пятна с лица.

На углу с Машковым переулком стоит огромный дом, даже целый куст домов, построенных для политкаторжан. Многие мои товарищи по школе, находившейся в двух шагах отсюда в Лобковском переулке, жили в этих домах. Мы часто ходили туда гонять в футбол на асфальтовых пустырях гигантского двора. Постепенно все эти мальчики и девочки, кроме одной, ныне покойной, остались без отцов. Сталин, истреблявший всю «ленинскую гвардию», пересажал, частью сразу уничтожил старых революционеров, узников царских тюрем. Самое невероятное на нынешний взгляд, что это не казалось нам странным – отцов не было почти ни у кого из моих однокашников: кто попал в узилище как инженер-вредитель, кто за причастность к нэпу, кто был объявлен врагом народа по лживому доносу, а военные шли по делу Тухачевского, Уборевича и других героев гражданской войны, подло оклеветанных и расстрелянных. Понятие «маменькин сыночек» обрело тогда иной смысл: не забалованный капризник, а товарищ и помощник своей матери, тянувшей в одиночку тяжкий семейный воз. Вот и такое лицо было у Покровки моего детства...

Надо сказать о двух замечательных жителях вселенной, именуемой Покровка. У Сытина читаем: «В Малом Казенном переулке, во дворе больницы, стоит памятник известному филантропу начала XIX века – доктору Ф. П. Гаазу. Любимая фраза его, обращенная к людям, была: «Спешите делать добро». Превосходный врач, он имел обширную практику и весьма хорошие средства, но все их отдавал на дела благотворительности, а сам ходил в потертом платье и чиненых сапогах. Став членом попечительного комитета о тюрьмах, он отдавал заботе о заключенных все свое время, энергию и средства. Он наладил медицинское обслуживание узников, добился отмены бритья головы женщинам и ссыльным, снабжал отправляемых в Сибирь теплыми тулупами, по его настоянию было пересмотрено множество дел. И это лишь малая часть его службы совести. Популярность Гааза в Москве была так велика, что, когда начинались в Москве холерные волнения, губернатор Закревский просил Гааза успокаивать людей на площадных сходках. Чтобы убедить врачей в безопасности прикосновения к холерным больным, Гааз сел в ванну, из которой только что вынули умиравшего холерного, и просидел в ней полчаса.

Однажды ночью на Гааза напали двое бандитов. Содрав с него шубу и шапку, они узнали доктора, помогли ему одеться и проводили домой. Когда же доктор Гааз умер, за его гробом шла вся Москва.

А в Большом Казенном переулке жил известный детский писатель Аркадий Гайдар вплоть до самой войны, с которой он не вернулся.

Я люблю бывать в местах, где прошло мое трудное, бедное и прекрасное детство. Бродя по Маросейке и Покровке и прилегающим переулкам, я переносюсь в прошлое. Стоит закрыть глаза, и я слышу протяжные голоса бродячих ремесленников и торговцев: «Ведро, корыта, кровати починяем!..», «Калоши старые покупаем!..», «Точить ножи, ножницы!..», «Пельсины, лимоны, узю-у-ум!..». И самые томительно-певучие, как будто с древних степей, высокие голоса старьевщиков, именуемых князьями: «Старье берье-о-ом!», вдруг прерываемые горловым, в упор: «Брука есть?..»

Вот прожита жизнь, а стал ли я счастливей, богаче с тех давних пор, когда скуластый князь отказывался от моих старых, заношенных до прозрачности лыжных брюк? Да, в этом я, несомненно, стал богаче: брука есть...

Кремль. Красная площадь

Кремль не только историческое ядро столицы, но и ее символ, шире – символ России. К кремлевскому времени, которое отбивают часы Спасской башни, прислушивается мир.

И в старое допетровское время Кремль был средоточием русской государственности, тут жили цари и правили в белокаменных палатах свое державное дело с боярской Думой.

Петр основал Петербург на плоских невыхских берегах и перенес туда столицу, но коронование русских государей по-прежнему свершалось в Москве, в Успенском соборе, тем отдавалась дань великой заслуге Москвы – собирательницы земли Русской.

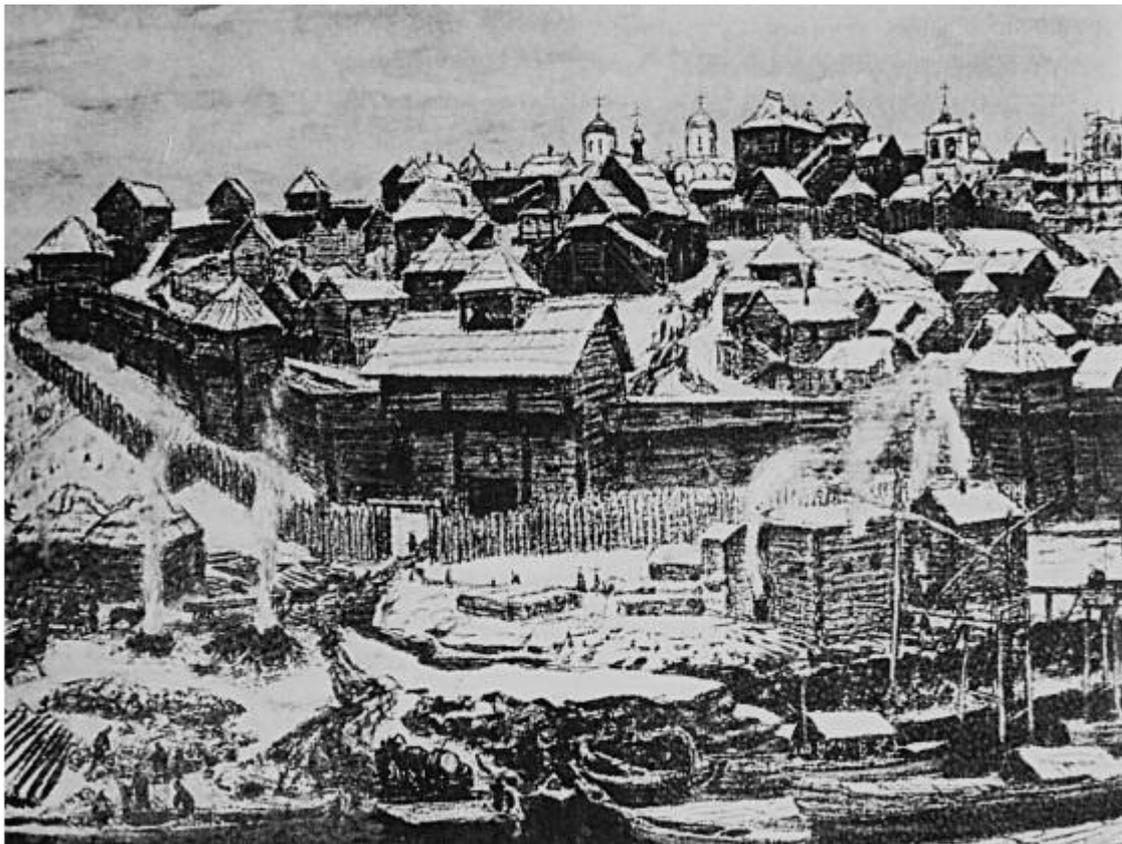
Москва началась кремлем. Как обнесли деревянным тыном кучу строений у впадения речки Неглинной в реку Москву, так и возник город, и название он принял от реки, уже имевшей имя. А что значит «Москва», никто до сих пор не знает. Зато доподлинно известно, что долгое время Москва вся помещалась в кремле, а потом вышагнула за стены и стала обрастать ремесленными и прочими слободами.

Огородил же свою усадьбу князь Юрий Долгорукий и в 1147 году пригласил в гости князя новгород-северского на «обед силен» – с этого первого письменного упоминания о Москве повелся отсчет ее исторической жизни. И была та Москва много меньше нынешнего Кремля. Потомок Юрия князь Иван Калита (калита – это поясной мешок для денег) заменил истлевшую городьбу новой, дубовой, охватив ею куда большую площадь. Тогда-то и возникло само слово «кремль», о происхождении которого до сих пор спорят. Убедительнее других, на мой взгляд, версия филолога Кубарева: «кремль» происходит от греческого «кремн» – крутая гора над оврагом.

Калита правил во времена монголо-татарского ига. Человек ловкий и умелый, он вошел в такое доверие к хану Золотой Орды, что стал собирателем дани со всех русских князей. Немалая часть прилипла к ладоням московского князя. На эти деньги он прикупал земли и строил.

Портрет Ивана III. Гравюра. XVI в. При Иване III (1440—1505) сложилось территориальное ядро единого Русского государства, было свергнуто монголо-татарское иго, развернулось большое строительство в Москве.

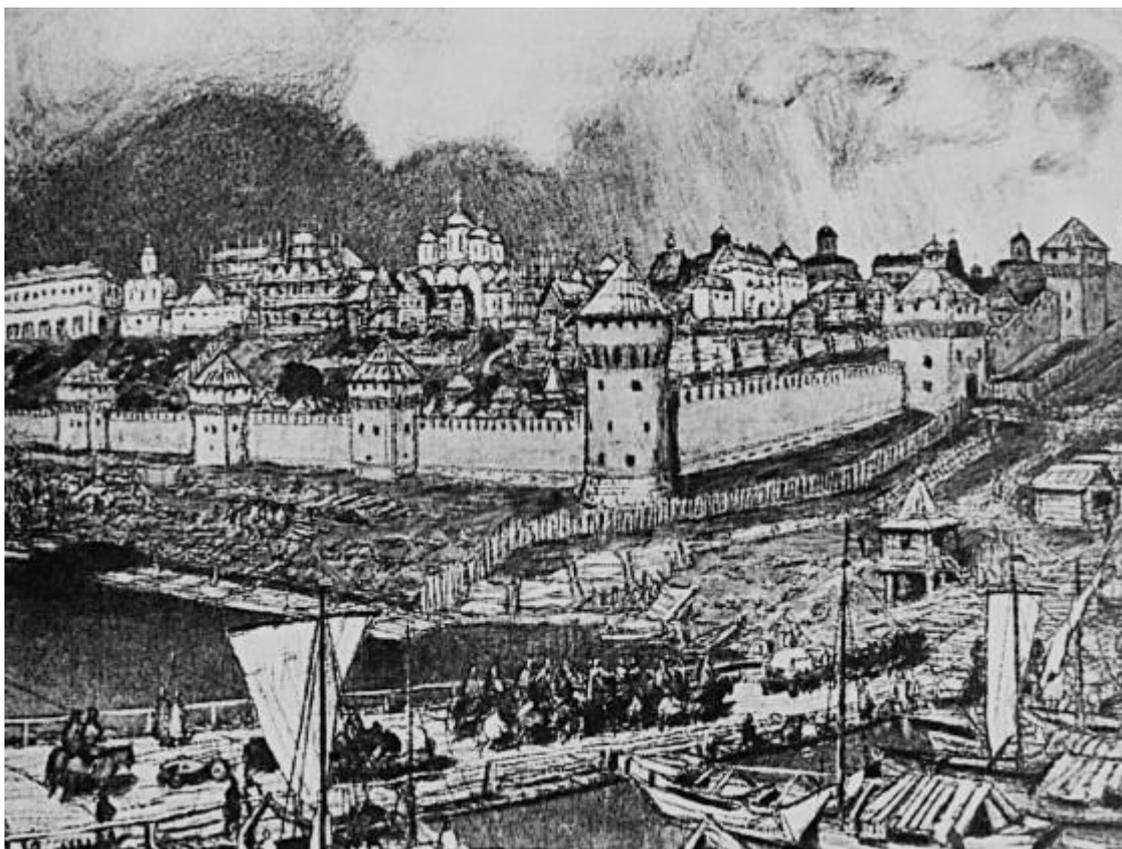
Ап. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите, Бумага, акварель. 1921 г. При Иване I Калите (? – 1340) сложился ансамбль основных построек Кремля, который позднее разрастался и перестраивался, появились первые каменные храмы, определившие состав ансамбля Соборной площади.

Первые приземистые, неуклюжие каменные церкви в Кремле были построены Иваном Даниловичем Калитой, и носили они те же названия, что и заменившие их впоследствии великолепные храмы: Успенский, Архангельский, Благовещенский.

В 1366 году митрополит Алексей, предчувствуя большую распрю с литовским князем Ольгердом, благословил спешную постройку каменных стен вокруг Кремля, тем паче что дубовые, воздвигнутые Калитой, сильно пострадали во время огромного пожара. Полтора года из подмосковной Мячниковской каменоломни возили камень, и уже в 1368 году постройка была завершена. Стены эти были из белого камня, отсюда и пошло – Москва белокаменная. Вот так строили наши далекие предки. Для сравнения вспомним, что ремонт и реконструкция старого здания МХАТа потребовали десяти лет.

Едва поднялись стены, как их сразу испробовали на прочность. Три дня стоял под Кремлем опытный воитель князь Ольгерд и, не взяв крепости, отступил. Через два года он повторил нападение, и столь же неудачно, после чего сам запросил мира.

Академик Забелин, самый крупный историк Москвы, говорил, что постройка каменных стен имела большое психологическое значение, свидетельствуя о силе и богатстве строителей; стены подняли, возвысили у москвичей чувство независимости и стойкости в борьбе с врагами, укрепили веру в непобедимую силу Москвы и ее дела, породили естественное ощущение твердой опоры и безопасности, когда кругом были нескончаемые вражда и усобицы.

Ап. Васнецов. Московский Кремль при Иване III. Фрагмент. Бумага, акварель. 1921 г. К кон. XV в. Москва становится столицей создающегося единого Русского государства. Эта перемена отражается на всем облике города – перестройка Кремля придает ему величавый вид.

Лишь раз стены не спасли москвичей – во время нападения хана Тохтамыша. Но не штурмом одолела их рать, а коварством, найдя предателя в русском стане.

Самый значительный период становления Московского Кремля приходится на княжение Ивана III, первого из великих князей назвавшего себя государем. У него были для этого основания: он покончил с ордынским игом и заложил основу могучему, независимому Русскому государству, установившему равные отношения с Западной Европой. В сознании своего достоинства Иван повелел величать себя Иоанном, и титул его звучал торжественно и пышно: «Мы, Иоанн, Божию милостью государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Угорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных». Не тщеславие двигало этим умным, терпеливым и неуклонным в достижении больших целей государем – надо было заставить уважать Москву, ставшую Третьим Римом после падения Второго Рима – Византии, захваченной турками.

Конечно, Ивана III не устраивал старый, обветшалый, с осыпавшимися стенами Кремль, приземистые церковки, бедный, обшарпанный дворец и неопрятные деревянные службы. Он решил дать Кремлю иное обличье и начать с возведения нового Успенского собора. Для сего дела призвали двух доморощенных умельцев – Василия Ермолина и Ивана Голову. Но вскоре они рассорились, и строительство продолжал один Голова с помощью своего отца Владимира Ховрина. Когда церковь уже обозначилась – «чудна вельми и превысока зело» – и оставалось замкнуть своды, стены рухнули.

Московские патриоты объяснили несчастье землетрясением, но вызванные из Пскова мастера установили, что причина в извести, которая «жидко растворялась и была не клеевита».

Вот так. Хотелось возвести торжественный храм своими силами, но в который раз подвело отсутствие знаний и «расчета сил» – псковское выражение – у отечественных мастеров. Вот и гениальный Левша так ловко подковал аглицкую блоху, причем на глаз, без мелкоскопа, что она не смогла больше прыгать и «дансе танцевать».

Иван III пригласил группу фряжских (итальянских) мастеров со знаменитым Аристотелем Фьораванти, работавшим в Венеции. Именем греческого мыслителя называли Фьораванти за его искусство и многосторонние познания.

Аристотель, подобно псковским знатокам, весьма одобрил кладку рухнувшей постройки, но, помимо плохого раствора, узрел и другую причину неудачи: нельзя такой храм строить из мягкого камня, тут нужен кирпич. Поскольку ему ставили условием воздвигнуть храм, схожий с Владимирским собором, он съездил посмотреть его, пришел в неописуемый восторг, но предложил свое, во многом самостоятельное решение. Он хотел поставить храм еще величественнее.

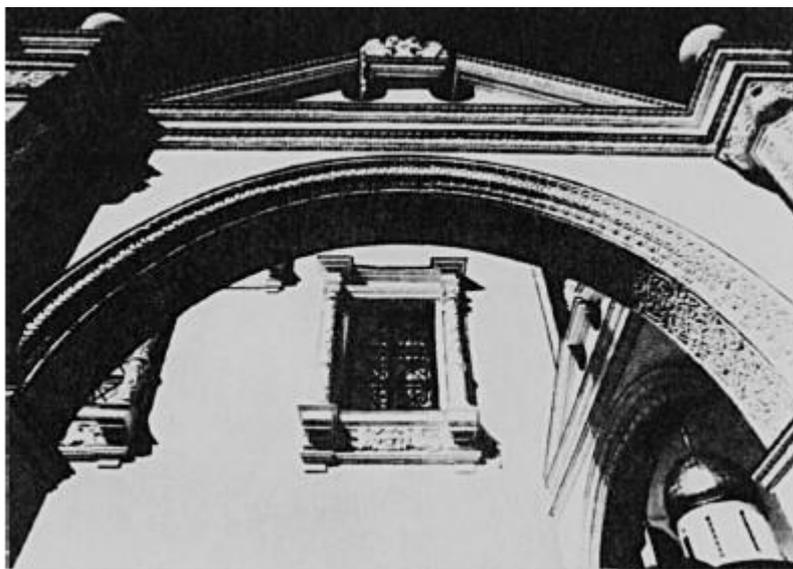

А. Фьораванти. Собор Успения Божией Матери на Соборной площади. 1475–1479 гг. Фото 1970-х гг. Построен по указу Ивана III. «Первая церковь камня на Москве на площади» стала для своего времени лучшей в городе. В соборе – усыпальница московских митрополитов и патриархов.

Глину брали под Андрониевым монастырем, там же и кирпичный завод учредили. Подготовив все для постройки, Аристотель в первый год вывел стены из земли, на второй год подвел их под кивоты, на третий – здание было достроено до подсводной части. Через четыре года Успенский собор стоял во всей красе. «И была та церковь, – пишет летописец, – чудна вельми величеством и высотой, и светлостью, и звонностью, и пространством».

Фрагменты архитектурной отделки Грановитой палаты в Кремле. Фото 1994 г. Грановитая палата – одно из древнейших гражданских зданий Москвы. Названа по восточному фасаду, отделанному граненым каменным рустом. Собственно Грановитая палата – парадный приемный зал великокняжеского дворца на втором этаже.

М. Фрязин, П. А. Солари. Грановитая палата. 1487–1491 гг. Фото 1994 г. Слева к Грановитой палате примыкает вновь восстановленное белокаменное Красное крыльцо. В

торжественные минуты вокруг Красного крыльца, на ступенях лестницы, подводящей к входу в Святые сени, собирались московские вельможи.

Через восемь лет после завершения постройки Успенского собора великий князь повелел Марку Фрязину поставить палаты для торжественных приемов и дворцовых церемоний. Так возникла Грановитая палата, которой мы любимся и в наши дни.

А там замахнулись и на большой дворец каменный. Его построил Алевиз-медиоланец, то есть миланец.

От этой постройки остались три нижних этажа Теремного дворца.

Но я забежал вперед, ибо куда раньше было начато обновление стен и самого Кремля. Историк Забелин – мы еще не раз будем обращаться к нему – писал: «Старые стены, значительно обветшавшие и от времени, и от многих пожаров, теперь уже не удовлетворяли новым требованиям и могуществу государственного гнезда, каким являлся этот ветхий Кремль. А величественный собор Успенский и здесь как бы указывал на необходимость окружить его достойным венком новых сооружений».

Другой историк, С. А. Князьков, дал сжатую и четкую картину строительства кремлевского оборонительного пояса: «Сооружение до сих пор существующих стен Кремля началось в 1485 г., когда 19 июля мастер Антон-фрязин на месте старых Чешковых ворот заложил новые; под этими воротами он устроил тайник, тайный подземный ход к реке, чтобы дать гарнизону возможность в случае тесной осады добывать себе воду. Впоследствии эти ворота – по тайнику – получили название Тайницких. В 1487 г. Марко-фрязин построил наугольную башню вниз по Москве-реке, названную Беклемишевой, по двору боярина Беклемишева, стоявшего возле нее. В следующем году Антон Фрязин строит наугольную башню вверх течения реки, названную Свибловской, тоже по двору боярина Свиблова. Зимой 1490 г. приехали в Москву по вызову великого князя из Милана мастера крепостного строения Петр-Антоний (Пьетро Антонио Солари. – Ю. Н.) и Зам-Антоний. В течение первого года своего пребывания в Москве Петр-Антоний построил две башни, или стрельницы, со стеной – одну у Боровицких ворот, а другую под Константино-Еленинскими воротами, называвшимися Нижними, потому что находились внизу Кремлевского холма. В 1491 г. Петр-Антоний-медиоланец и Марк-венцианец (Марк Фрязин. – Ю. Н.) строят Фроловские, ныне Спасские, и Никольские ворота... тогда же начали постройку стены между Спасскими и Никольскими воротами. Общий архитектурный характер всех этих проездных и глухих наугольных башен не оставляет сомнений, откуда мастера-строители брали образцы для своих построек. Кто бывал в Милане, не может не подметить близкого архитектурного родства стен и башен замка Сфорца с укреплением Московского Кремля».

П. А. Солари. Спасская башня. 1491 г.; шатер 1624–1625 гг. зодчих Б. Огурцова, Х. Головея. Фото кон. 1930-х гг. У Московского Кремля двадцать башен, но главными его воротами стала Спасская. Название башня получила от помещенной в 1658 г. над ее входом иконы Спаса Нерукотворного.

Я бывал в Милане неоднократно и могу подтвердить истинность этих слов.

Всего при Иване III было построено восемнадцать башен. В дальнейшем прибавились еще две: отводная Кутафья, удивительно красивое строение, ныне находящееся в угрожаемом положении «по причине» метро, и маленькая Царская на самой кремлевской стене между Спасской и Набатной башнями.

А. Фрязин. Троицкая башня. 1495–1499 гг.; шатер кон. XVII в. Фото 1970-х гг. Названа в 1658 г. по Троицкому подворью в Кремле. Ранее башня именовалась Ризоположенской, Знаменской, Каретной.

Алевиз Фрязин проложил ров со стороны Красной площади, пустили воду из Неглинной, и Кремль стал островом.

Вид на Троицкие ворота Кремля и Кутафью баиню, Фотография Дюрана. XIX в. К воротам ведет Троицкий мост (1516 г.; арх. А. Фрязин), въезд на который прикрывает Кутафья баиня (нач. XVI в.), предназначенная для защиты моста через реку Неглинная.

Надо сказать, что участие итальянцев в отстраивании России стало с тех пор традиционным: и в XVIII, и в начале XIX века талантливые итальянские зодчие много строили в Петербурге, Москве, Киеве. Достаточно назвать имена Растрелли, Трезини, Ринальди, Кваренги, Жилярди, Росси. Как и давние предки их Аристотель Фьораванти, Петр Фрязин, Алевиз, они не были гастролерами на русской земле, а проросли в нее корнями, прониклись ее духом, обогатив свое искусство русской традицией.

А. Фрязин (Новый). Собор Архистратига Михаила на Соборной площади. 1505–1508 гг.

Фото 1970-х гг.

Великокняжеская и царская усыпальница. В облике храма чувствуется влияние венецианской архитектуры. Среди икон наибольшую художественную ценность представляет икона Архангела Михаила с деяниями (кон. XIV – нач. XV в.).

В свою очередь и русские строители много почерпнули у итальянцев, прежде всего – строить не на глаз, а пользоваться кружалом (циркулем) и линейкой. Дивный Благовещенский собор – доказательство зрелости и умения наших отечественных мастеров.

Иван III умер, немного не дожив до завершения строительства Архангельского собора, ставшего усыпальницей русских царей. Устроителя Третьего Рима положили в еще не достроенном соборе.

При его сыне Василии III строительство в Кремле продолжалось. Архитектор Бон Фрязин возвел одно из самых замечательных и любимых москвичами сооружений – колокольню Ивана Великого.

Бон Фрязин. Церковь Иоанна Лествичника, «что под колоколами в Кремле, в нижнем этаже колокольни, которая по этой церкви называется Иваном Великим». 1505–1508 гг.; надстроена в 1600 г. П. Малый. Звонница (Петроковская). 1532–1543 гг. В 1624 г. к ней пристроена Филаретовская звонница; зодчий Б. Огурцов.

Фото 1970-х гг.

В звоннице, примыкающей к телу Ивана Великого и построенной Петроком Малым, находились главные колокола, во второй, Филаретовой, – звоны помельче. Мощный, глуховатый, низкий гуд большого колокола Ивана будил все остальные сорок сороков Москвы.

Следующее большое строительство в Кремле было предпринято при Петре Великом. Петр не любил Кремль, связанного для него с тяжелыми впечатлениями детства – стрелецкими бунтами, убийством его родичей, но все же затеял там строить Арсенал, поручив это дело русскому мастеру Иванову и саксонцу Конраду под общим наблюдением художников Салтанова и Чоглокова. Но поскольку царь был равнодушен к этому строительству и строго за него не спрашивал, отвлеченный другими делами и своей Северной Пальмирой, работы велись кое-как, нынешними темпами, и растянулись более чем на тридцать лет.

Завершал их знаменитый зодчий князь Ухтомский, начальник московской архитектурной команды, уже в царствование Анны Иоанновны.

Здание сочетает изящество с монументальностью, чудесно чередование парных окон и гладких проемов меж ними.

На Арсенальной площади эсер-боевик Каляев взорвал самодельной бомбой генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича.

Эпоха Екатерины II украсила Кремль одним из красивейших и значительнейших по исторической судьбе зданий, которое долго называли Сенатом. Здесь действительно находились два его департамента. Матвеем Казакову пришлось решать сложнейшую задачу: встроить здание в пустое пространство в форме неправильного треугольника, образованное другими кремлевскими зданиями. Само по себе это не так уж трудно для такого мастера, но ведь здание должно быть достойным кремлевского ансамбля, и, чтобы не чувствовалось втискивающего насилия, Казаков решил задачу с присущим ему блеском. Сенат стал одним из украшений Кремля, даже требовательные современники называли его «мастерским произведением вкуса и изящества».

Ф. Алексеев. Вид на Большой Каменный мост и Московский Кремль. Холст, масло. Нач. XIX в. В 1643 г. через Москву-реку начали строить мост, который в отличие от малых

назвали Большим Каменным. Его сооружение завершилось при Петре I. В 1859 г. мост заменяется трехпролетным металлическим. Современный мост возведен в 1930-е гг.

В екатерининские дни над Кремлем нависла грозная опасность. Императрица решила кардинально перестроить Кремль и поручила это гениальному и безудержному Василию Баженову. Проект его был грандиозен, предезостен, невероятно талантлив и ужасен, ибо уничтожал исторически сложившийся ансамбль Кремля. Вместо стен, служивших оградой дворцам и храмам, и всех башен Баженов спроектировал сплошной ряд зданий и как бы стер с московского неба дивный силуэт Кремля. Расчищая место для строительства, снесли много прекрасной старины: Кирилловское и Крутицкое подворья, все здания коллегий. Была произведена в присутствии императрицы торжественная закладка дворца, взволновавшая всю Европу. Считалось, что Россия истощена в изнурительной войне с Турцией, а императрица выбрасывает двадцать миллионов рублей на свою роскошную прихоть.

Екатерина достигла своей цели: припугнула недругов, благополучно закончила войну, а баженовский проект – кому он нужен? О Кремле и думать забыли. Трагедия для художника и спасение древней памяти.

К. Тон, при участии Ф. Рихтера, Н. Чичагова, П. Герасимова, В. Бакарева и др. Большой Кремлевский дворец. 1839–1849 гг. Фото 1994 г. Фасад спроектирован в русско-византийском стиле. Парадные залы имеют названия русских орденов, что отразилось в их архитектурном декоре. Дворец был московской резиденцией российских императоров.

Деревянный макет баженковского Кремля можно увидеть в Музее архитектуры в Донском монастыре.

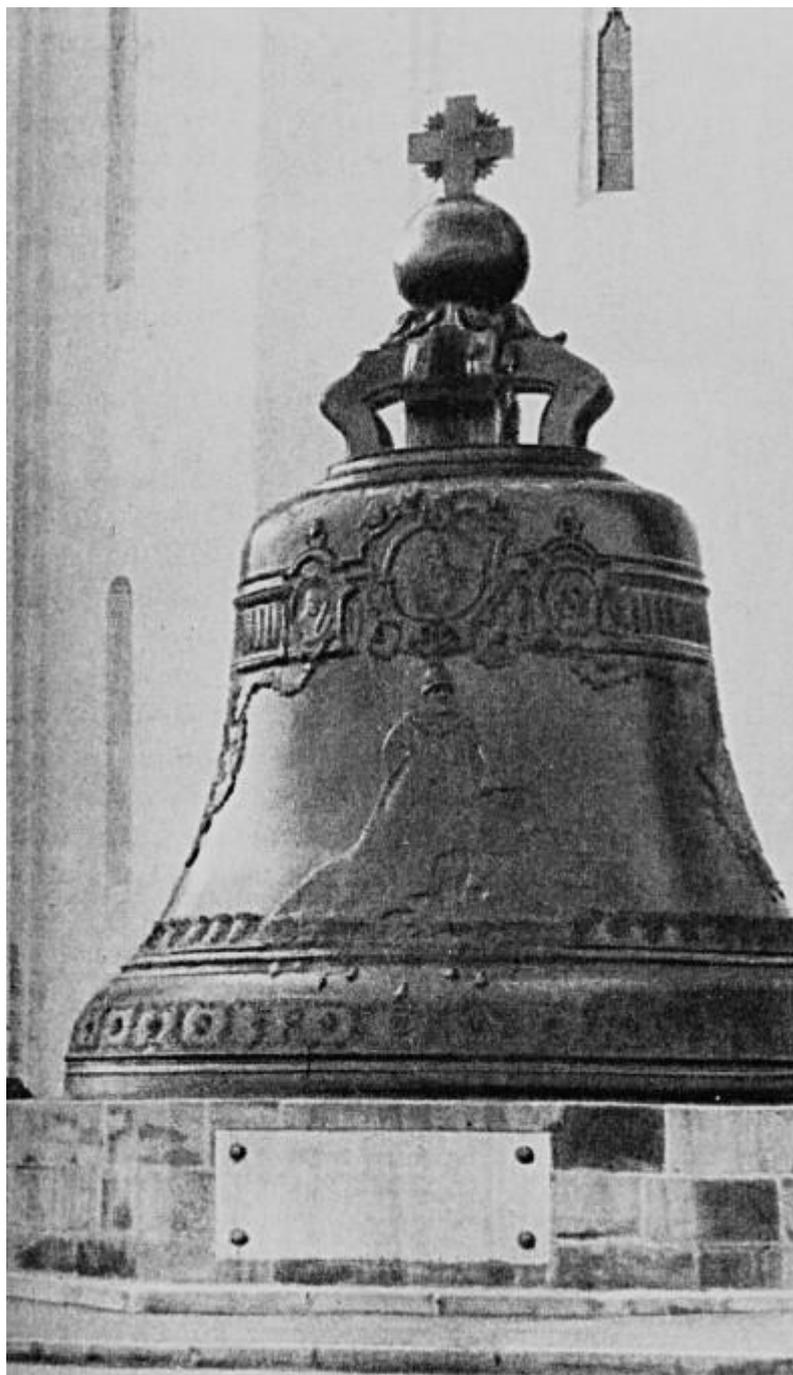
Последним перед революцией масштабным строительством в Кремле явилось возведение Константином Тоном середине XIX века Большого Кремлевского дворца на месте старого дворца Растрелли. В свое время это вызвало шумное неудовольствие москвичей. Тона не любили за сухость и холодность, за псевдорусский характер его построек. Эти же качества обеспечивали ему стойкое благоволение Николая I.

М. Посохин, А. Мндоянц, Е. Стамо, П. Штеллер и др. Кремлевский дворец съездов. 1959–1961 гг. Фрагмент. Фото 1994 г. Используется для проведения важных общественных и международных мероприятий, а также для театрально-зрелищных представлений.

Будем справедливы: Тон стремился восстановить в новом блеске древнее русское зодчество, увести нашу архитектуру от слепого подражания западноевропейским образцам. И за это заслуживает благодарности. Другое дело, что он не был готов к осуществлению такой задачи. Изучение древнерусского зодчества только начиналось, и ему просто не хватало знаний. А произвольные измышления не всегда ловко сочетались с истинными мотивами древ-

ней архитектуры. Но Тон умел хорошо ставить свои здания. Как великолепно стоял храм Христа Спасителя!

И. Моторин, М. Моторин. Царь-колокол. 1733–1735 гг. Фото 1970-х гг. Отлит из бронзы в Кремле, украшен рельефами, портретами и надписями. Во время пожара 1737 г. от колокола откололся кусок массой 11,5 т. В 1836 г. царь-колокол был установлен на каменный постамент недалеко от церкви Иоанна Лествичника.

И Большой Кремлевский дворец добирает величия вознесенностью над Москвой-рекой, и нельзя представить себе Кремля без него.

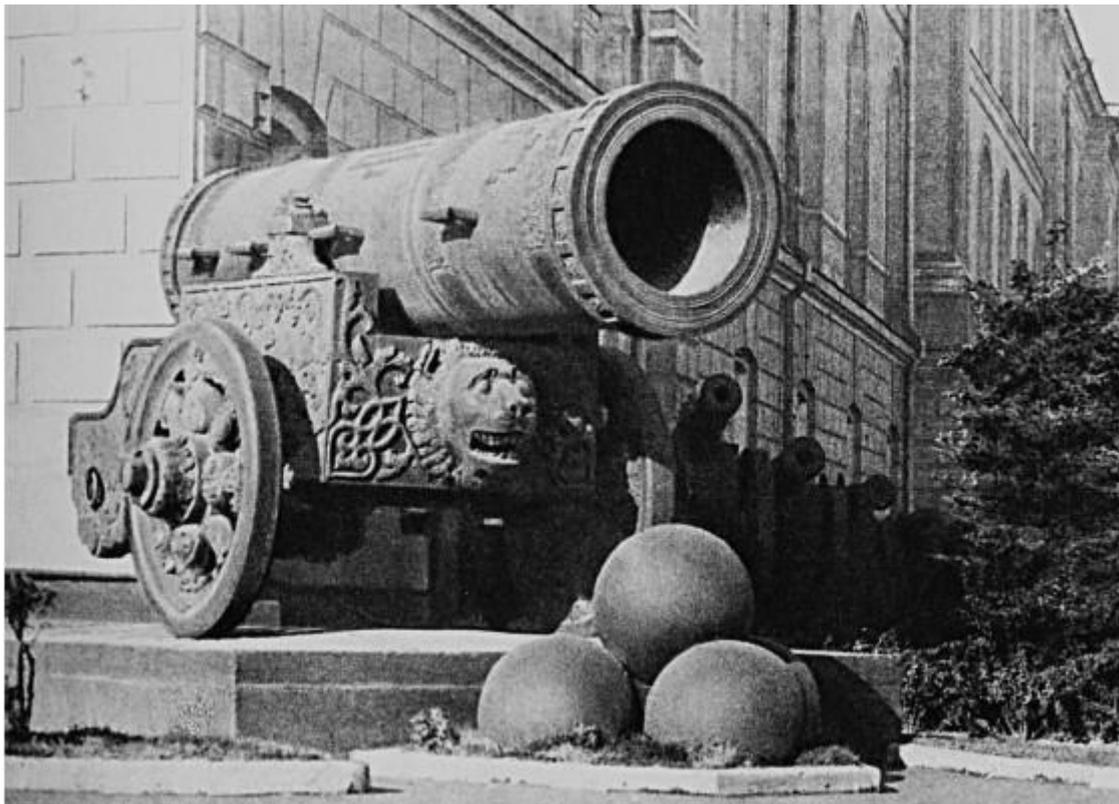
Многие считают, что Михаил Посохин первым посягнул на кремлевскую старину, построив сюда Дворец съездов. Это вызвало не меньше нареканий, чем дерзость Тона, произносилось даже слово «кощунство».

Между тем на исходе двадцатых – в начале тридцатых годов XX века Иван Рерберг возвел на Ивановской площади, на месте Чудова и Вознесенского монастырей, большое здание с колоннами. Возможно, к этому отнеслись спокойно, поскольку здание Рерберга стилизовано под классицизм и не беспокоит глаза. А творение Посохина являет сугубо современные формы.

Должен признаться, сам я не выработал к нему однозначного отношения.

Если отвлечься от Кремля, то Дворец съездов, наверное, самая удачная работа Михаила Посохина. Впрочем, тут вообще все не просто. Вспомним, что еще в XV веке москвичи возмущались дерзновенным покушением Ивана III на московскую старину. Ведь наши далекие предки не ощущали своей древности, они были столь же современны в своих днях, как мы на исходе двадцатого столетия исполнены пиетета к старине и гнева против ее разрушителей. И Петр покусился на Кремль, построив Арсенал. При Екатерине были снесены последний боярский дом – Шереметева, Крутицкое подворье, и Матвей Казаков возвел здание Сената. При «ревнителе казенного благополучия Валуеве», как презрительно называют его историки, было снесено здание государева дворца, Троицкое подворье, «цареборисов» дворец, Сретенский собор, чтобы было где размахнуться Тону. Выходит, и в доброе старое время не очень-то тряслись над стариной и не считалось преступлением подновлять кремлевский ансамбль. А ведь мы не в претензии. Глядишь, лет через сто и Дворец съездов будет казаться столь же естественной и необходимой частью Кремля, как творения Казакова и Тона.

Кремль – не создание единой воли, раз и навсегда определившей его форму, и этим резко отличается от Миланского дворца. Каждая эпоха накладывала на него свой отпечаток, в нем достойно представлены разные периоды русской жизни. Тем и ценен этот единственный в своем роде ансамбль, что он являет собой не окаменелость, а подвижный образ времени: от Успенского собора, утвердившего значение Москвы как первого града на Руси, до Дворца съездов, в чьих прочных ребрах – идея нового времени.

А. Чохов. Царь-пушка. 1586 г.; декоративный лафет 1835 г. Фото 1970-х гг. Отлита из бронзы на Пушечном дворе. Находилась в Китай-городе и предназначалась для обороны переправы через реку Москва. Установлена близ церкви Двенадцати апостолов в Кремле.

Все сказанное справедливо, но живое чувство не дает заговорить себе зубы. И когда ходишь по Кремлю, то стараешься не глядеть в сторону посохинского творения.

Не стану касаться необъятной темы кремлевских сокровищ, собранных в Оружейной палате, но коротко скажу о двух дивах: царе-колоколе, не издавшем ни единого звона, и царе-пушке, ни разу не выстрелившей. Эти бесплодные великаны как-то странно ассоциируют с крошечной аглицкой блошкой, которую подковал Левша, отчего она прыгать перестала. Тут русский гений подвела малость предмета, там – громадность. Колокол был отлит отцом и сыном Моториными в 1733–1735 годах, но когда его собрались поднять на Ивановскую колокольню, случился пожар. Огонь истребил подмости, на которых лежал колокол, он рухнул на землю, и при падении от него отбилась край. Существует и другая версия, что он лопнул от жара. Лишь через сто лет Монферран, создатель Исаакиевского собора, поднял инвалида и поставил на гранитный пьедестал.

Колокол украшен искусным фризом с изображением святых и царей.

Барма и Постник. Собор Покрова Божией Матери, что на Рву (храм Василия Блаженного). 1555–1561 гг. Фото 1980-х гг. Возведен на краю Боровицкого холма в честь взятия Казани. В 1588 г. к ранее построенным девяти церквам добавляется десятая – над могилой юродивого Василия Блаженного. Декоративное убранство храма, как и купола, которые мы видим сегодня, появились в XVII в.

Царь-пушка была отлита в 1586 году литейным мастером Андреем Чоховым. Не знаешь, чему больше удивляться – величине орудия или замечательным барельефным изображениям, ее украшающим. Стрелять из пушки даже не пытались. Название пушки объясняют кто величиной, кто портретом царя Федора Иоанновича на дульной части. Мирлюбивое орудие вполне отвечает кроткому нраву богобоязненного царя.

Вид Красной площади. Литография Ж. Арну. Сер. XIX в. После пожара 1812 г. на площади строятся торговые ряды. Их центр составляет портик из восьми дорических колонн с куполом над фронтоном. В 1818 г. точно против портика в середине площади устанавливается памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, символизирующий верность России (скульп. И. Мартос; 1804–1818 гг.). Это был первый гражданский памятник в Москве.

Соединив Красную площадь с Кремлем, я допустил некоторую натяжку: территориально Красная площадь входит в Китай-город. А когда-то принадлежала ему и своей сутью торговица. Тут находилась самая большая ручная торговля в городе. Причем торговля эта все время стремилась осесть, и на площади высыпали, как грибы после дождя, бесчисленные лавки. Однажды торговля яблоками так распространилась, что стала застывать Василия Блаженного. Очередной царев указ согнал лавочников прочь, расчистив место для легкой лоточной торговли.

Конечно, площадь и прежде служила не только торговым целям, здесь происходили торжественные шествия, цари являлись народу, который не всегда безмолвствовал, с Лобного места объявлялись царские указы, здесь же вспыхивали бунты, здесь же и завершались печально. Помните знаменитое полотно Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни» – как щемяще отсвечивает пламя зажатой в руке свечи на белом полотне рубашек смертников!

А. Померанцев. Здание Верхних торговых рядов. 1889–1893 гг. Фото 1994 г. Используя декоративные элементы древнерусского зодчества, автор органично вписал новый объем в ансамбль Красной площади. Металлические перекрытия стеклянных потолков пассажей являлись уникальными для своего времени (инж. В. Шухов).

На Красной площади стоит величайший памятник древнего московского зодчества – Покровский собор, более известный под именем Василия Блаженного. Легенда утверждает, что, наградив строителей, царь велел их ослепить, чтобы они никогда больше не сделали подобного чуда. При всем соответствии с характером Ивана Грозного это лишь метафорическое выражение восторга: и Барма, и Постник продолжали работать, но второго такого озарения у них не было.

Любопытно, что обновитель архитектурных форм, наш современник Ле Корбюзье, восторгаясь храмом, сравнил его... с горой овощей. Его поражал невероятный замысел зодчих, создавших несказанную красоту из хаотического нагромождения архитектурных элементов и ярчайших красок, нарушившего все каноны зодчества.

В. Шервуд. Здание Исторического музея. 1875–1881 гг. Фрагмент фасада. Фото 1994 г. Спроектировано в русском стиле. Музей был открыт в 1883 г., а основан в 1872 г. по инициативе историков И. Забелина и А. Уварова для «собрания и хранения памятников старины, отражающих историю всех народов Российской империи».

Увы, Ле Корбюзье не проглянул сути храма. И в этом он не одинок: с чем только не сравнивали и в чем только не обвиняли это создание русского гения, даже в магометанстве! А Василий Блаженный выражает истинно русскую соборную (сборную) идею. Строители «различными образы и многими переводы» поставили на одном основании девять престолов. Немецкий путешественник XIX века Блазиус оказался куда проницательнее творца архитектурного конструктивизма, сравнив храм с растением. Посмотрите на Василия в сумерках, вы увидите старую матерую ель в окружении елочек поменьше. Природа всегда влияет на зодчество, а разве можно помыслить Русь без леса?

Лобное место имело наибольшее значение для московского населения в допетровское время. К нему направлялся из Кремля крестный ход; во время хождения «на осляти», когда царь вел в поводу осла, на котором восседал патриарх, «святитель подымался на Лобное место и раздавал освященные вербы царю и боярам». Отсюда пошел обычай вербного гулянья на Красной площади, один из самых любимых москвичами весенних праздников. Возле Лобного места валялся обезображенный труп Лжедмитрия I с маской, дудкой и волынкой – так черный юмор наших предков заклеил зловеще-шутейную авантюру Гришки Отрепьева.

В 1612 году через Красную площадь въехали в Кремль во главе войска и народного ополчения Минин и Пожарский, освободившие Россию и ее столицу от иноземных захватчиков. Всем известен памятник Ивана Мартоса: нижегородский мещанин Козьма Минин призывает к подвигу смелого, закаленного, но несколько вялого воина князя Дмитрия Пожарского.

А как не сказать о кремлевском времени! Часы в веках не раз меняли местонахождение, прежде чем утвердились окончательно на Спасской башне. Раньше они играли «Коль славен» и «Преображенский марш», а с 1918 года, когда по распоряжению Ленина мастер Беренс исправил пострадавший при обстреле Кремля механизм, часы стали играть «Интернационал». Затем после полночного боя стали передавать Государственный гимн.

Мы упоминали о торговых заботах Красной площади. Неутомимый Китай-город изо всех сил старался превратить ее в торжище, с чем также упорно боролись русские правители.

Борьба шла с переменным успехом: то верх брали торгоши, то власть теснила торг. И лишь в последнем десятилетии прошлого века торговля была окончательно упрятана в каменные ряды: Верхние (архитектор Померанцев) и Средние (архитектор Клейн). Обе постройки выдержаны в главенствующем стиле того времени – русском, или теремном, равно как и замыкающее площадь на северо-западе здание Исторического музея. Грандиозный пассаж Верхних рядов и сейчас трудолюбиво несет свою торговую службу под именем Торговый дом ГУМ. Но вершит он свои обороты с улицы Никольской и по проезду Сапунова; со стороны же Красной площади делает вид, будто он музей.

24 июня 1945 года во время Парада Победы вдруг оборвалась музыка и в цепенелой тишине к подножию Мавзолея были сброшены знамена разгромленного вермахта. И первым упал на торговую мостовую личный штандарт Гитлера...

Китай-город

Тему Китай-города мы уже затронули в очерке, посвященном Кремлю и Красной площади. Ведь территориально Красная площадь принадлежала Китай-городу. Когда посад начали вытеснять из Кремля, он обжил сперва пустырь у кремлевских стен, потом двинулся дальше в восточном направлении. Первоначально его составляли торговые люди и обслуживающие их ремесленники, позже к ним присоединились приказные, духовные и знать. Красная площадь рано осознала свое главное назначение как места для торжеств – религиозных шествий, встречи царя с народом, объявления государевых указов, а в особо важных случаях и как места праведия. Она упорно выживала торгашей со своего овала, до поры мирясь лишь с легкой ручной продажей, преимущественно возле Василия Блаженного и вниз по реке, пока окончательно в исходе XIX века не покончила с торжищем. Но об этом мы уже говорили достаточно подробно.

Остановлюсь лишь на двух любопытных моментах, связанных с Красной площадью и опущенных в посвященном ей очерке.

Возле храма Василия Блаженного, этой «песни, запечатленной в камне», в XVI–XVII веках роились бесприходные попы. Было их без числа. Полупьяные, оборванные, горластые, они надсадно предлагали свои услуги – помянуть, освятить, крестить, отпеть, – и все по самым низким ценам, дрались на кулачках, играли в зернь, плясали, являя собой картину мерзости и соблазна. Борьба с ними оказалось невозможно, и власти смирились с существованием этой расхристанной команды, следя лишь за тем, чтобы они исправно платили казне положенную с каждой требы пеню.

В начале XVIII века у Никольских ворот царь Петр воздвиг деревянную «комедийную хоромину», ставшую первым русским народным театром. Вот что писал о нем голштинiec Басевич: «В Москве существовал театр, посещаемый только простым народом и вообще людьми низкого звания. Драму обыкновенно разделяли на 12 действий, которые еще подразделялись на столько же явлений, или сцен, а в антрактах представляли шутовские интермедии, в которых не скупилась на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться в продолжение целой недели, так как в день разыгрывали не более третьей или четвертой ее части». Грима не было, но были приставные бороды, которые делались из конских грив и хвостов.

Не так давно, выступая в одной из московских школьных читален, я с удивлением обнаружил, что те немногие ребята, которые слышали о Китай-городе, думают, будто название идет от китайцев: мол, находилось там китайское поселение. Нет, китайских кварталов в нашем городе никогда не существовало, хотя в двадцатые – тридцатые годы XX века было в Москве несколько китайских прачечных, одна из них – в моем родном Сверчковом переулке, в ампирином доме, сохранившемся до сих пор. Знарок Москвы Сытин тоже подтягивает Китай-город поближе к Китаю, выводя его название из монгольского слова «китай» – «средний». По-древнерусски «город» значит «крепость». Таким образом, Китай-город – это Средняя крепость. Но ведь название появилось до того, как Федор Конь построил стену Белого города, – следовательно, Китай-город не мог считаться средней крепостью. Справедливо, мне кажется, другое объяснение: кита – русское слово, так называется веревка, которой обвязывают товары. А поскольку Китай-город сосредоточивал в себе почти всю московскую торговлю и потреблял невероятное количество киты, его так и называли.

Социальный состав жителей Китай-города довольно скоро разошелся с главным назначением посада как торгового центра Москвы. Кремль все отчетливее становился царевой вотчиной, даже высшей знати не оказалось в нем места. Но отдаляться от царского дома не хотелось, и знать потеснила торговцев и ремесленников. Торговля осталась на прежнем

месте, но сами купцы стали обживать тихое сиренево-черемуховое Замоскворечье, заложив там собственное царство, позднее прозванное «темным», и создали тот особый толстомясый, но по-своему живописный быт, который целиком вошел в драматургию Островского. Ремесленники все-таки зацепились за Китай-город, заселив низинную, затопляемую в половодье часть его, прозванную Зарядьем. А в самом Китай-городе, меж торговых рядов, гостиных дворов, церквей, монастырей, подворий заезжих купцов, расположились хоромы Шереметевых, Трубецких, Черкасских. По статистике 1701 года, в Китай-городе 152 двора принадлежало духовенству, 54 – боярству и дворянству, 21 – дьяконам, 6 – дворцовым служащим, 29 – торговцам и 1 – крепостному человеку.

Образовался Китай-город как некое территориальное единство, когда итальянец Петрок Малый обнес посад крепостной стеной, остатки которой можно увидеть в Китайском проезде, Театральном проезде и на Театральной площади. Со стороны Театрального проезда сохранились красивые ворота, ведущие в Китай-город через короткий Третьяковский проезд. Свое название проезд получил в честь брата создателя Третьяковской галереи. Слева от ворот, на взлобке, стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову.

Когда-то у Китайской стены напротив Политехнического музея существовал упоительно-изобильный книжный развал. Сколько дивных книг приобрел я там буквально за гроши, выручаемые от продажи краденых на винном складе бутылок: «Редгонтлет» Вальтера Скотта, «Мельмот скиталец» Мэтьюрена, «Лицо во мраке» Уоллеса, разрозненные тома «Рокамболя» Понсон дю Террайля, «Приключения бригадира Этьена Жеррара» Конан Дойла, «Похороны викинга» не помню кого – все такое старенькое, рваненькое и бесценное.

Первый деревянный гостиный двор возник при Иване III, сосредоточившем всю московскую торговлю в Китай-городе, а на восточной стороне Красной площади, возле Василия Блаженного, появились торговые ряды. Затем стали еще два гостиных двора, они часто горели, их отстраивали, пока не заменили каменными.

Многолюдный, шумный и пыльный хаос китайгородского торжища обладал известным и даже весьма строгим порядком, который не дозволялось нарушать.

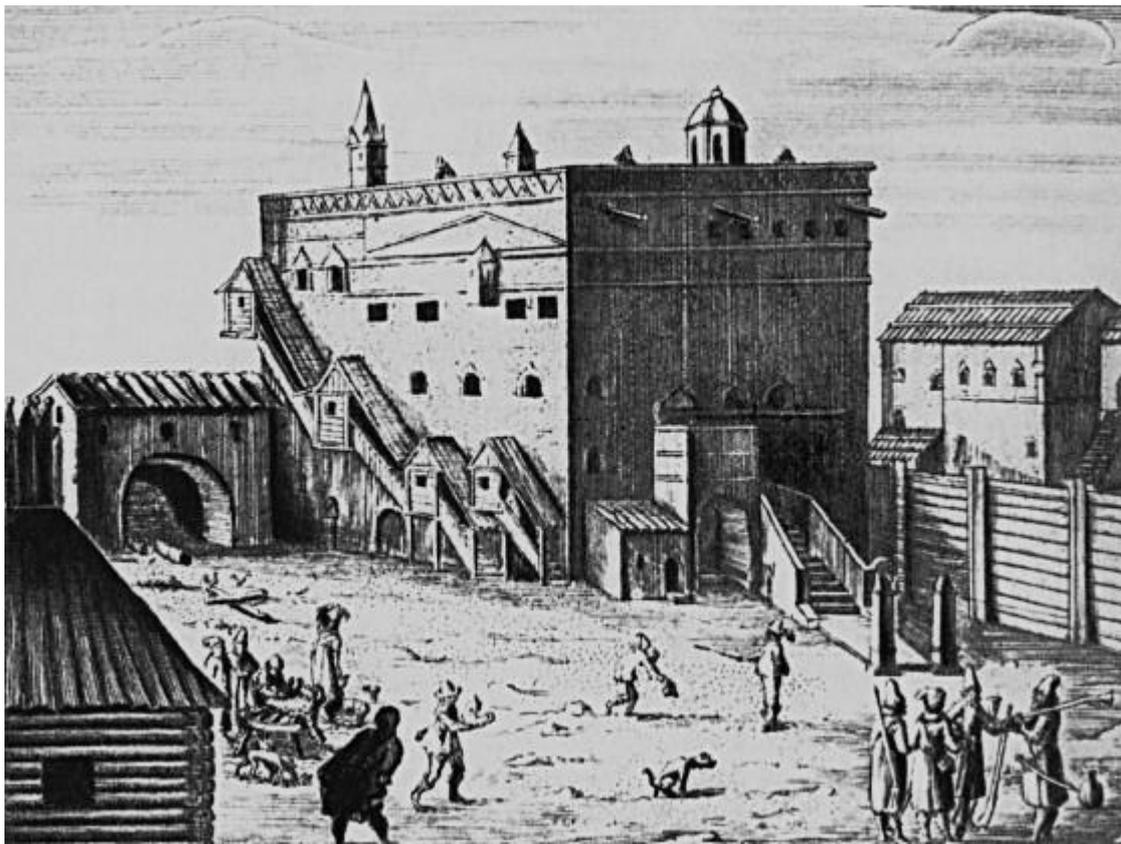
Вот пространное описание китайгородского торгового двора, взятое из старой книги. Его стоит привести почти целиком. «Торговые помещения по своим размерам делились на лавки, полулавки и четверть-лавки. Со времен Федора Ивановича размер полной лавки равнялся 2 саж. в ширину и 2 ¹/₂ саж. в глубину. Таким образом, это были очень небольшие помещения с крепкими сводами и маленькими окошками, затворяющимися железными ставнями, почему и были мало доступны для огня. Кроме того, лавки имели подвалы, где торговцы прятали свои товары.

Вид на Средние торговые ряды, находившиеся в границах старого Китай-города. Фото 1891 г. Первоначально лавки торговых рядов строили из дерева. После пожара Москвы 1812 г. сооружаются каменные лавки Средних торговых рядов.

Ряды таких небольших лавок тянулись от площади против Кремля к стене Китай-города. Иногда каждый ряд имел свои торговые обычаи. Так, против Никольских ворот шел иконный ряд. Это была большая улица, сравнительно с другими, по которой проезжал царь, куда бы ни отправлялся. Здесь сидели продавцы икон и живописцы. Интересно, что москвичи не называли торг иконами куплей и продажей, а «меню на деньги» и при этом долго не торговались за иконы. Для характеристики разделения на ряды торговли в Китай-городе приведем еще несколько названий рядов. Так, были ряды: седельный, саадашный (саадак – кожаный чехол для лука. – Ю. Н.), красный, сапожный; из рядов, торговавших металлическими изделиями, назовем скобяной, замочный, котельный, игольный, железный; в конце XVII века появился еще новый замочный ряд; был также самопальный ряд. Несколько позже упоминается еще серебряный ряд. Обувью торговали в сапожном ряду; материями – в сурожском ряду и суконном; разного рода пищевыми продуктами – в очень различных рядах. Так, были ряды: масляной, ветчинный, хлебный, калачный, овощной, рыбный свежий ряд, сельдяной ряд, орешный ряд, медвяный ряд нижний и новый, даже луковый и чесноковый ряд, харчевой ряд, пирожный ряд, вандышный ряд, построенный в конце XVII века в конце рыбного посольного ряда (вандыш – сняток. – Ю. Н.). Солью торговали в особом соляном ряду, который шел от Варварского крестца. Разного рода посудой торговали в судовом ряду, в горшечном ряду. Кроме того, упоминаются еще ряды: белильный, золяной, москательный, пушной, собольный, впрочем уже не существовавший в конце XVII века, свечной, восковой, мыльный, щепетильный (щепетинье – женские мелочи. – Ю. Н.); в конце XVII века появляется новый мужской шапочный ряд, стоявший в конце кафтанного ряда от Ильинского крестца к серебряному ряду, деготный ряд; ветошный ряд находился у

Ильинского крестца и шел до Никольского крестца. Вообще в 80-х годах XVII века насчитывалось в Китай-городе 72 ряда». Был еще теплый ряд, где в лавках стояли печурки.

Посольский приказ в Москве. Гравюра А. Олеария. XVII в. В мастерских Оружейной палаты, Посольского и Иконного приказов трудились талантливые художники. Тенденции к обмирщению искусства нашли яркое выражение в зародившемся в XVII в. жанре портрета – парсуны.

Сытин говорит, что уже в конце XVII века эта строгая дифференциация стала нарушаться. Так, «в овощном ряду продавались писчая бумага, холсты льняные, атласы турецкие, четки ременные, мыло грецкое и индийское и пр. Здесь же можно было купить дюжину стульев немецких золотных, трубки зрительные, фряжские и немецкие листы (гравюры. – Ю. Н.) и даже монастырек (несессер. – Ю. Н.), а в нем два ножичка, да ноженки, да вилки, да свайка, да зубочистка».

Читал я еще об одной достопримечательности Китай-города. «По дороге от Посольского двора к Кремлю был особый рынок, называвшийся вшивым рынком или вшивой биржею. Тут была толкучка, где продавались разные старые вещи; тут же сидели брадобреи на низеньких лавочках, крытых древесной корой, и предлагали свои услуги постричь и подбрить голову.

При хорошей погоде эта операция производилась под открытым небом, почему площадь вообще приобрела весьма непривлекательный вид, была устлана волосами, так что по ним ходят как по мягкой обивке, – рассказывает немецкий путешественник Адам Олеарий. – Вшивый рынок сливался с лоскутным рынком, где нередко торговали, несмотря на его название, очень ценными и хорошими вещами».

Естественно, что бережение торга составляло немаловажную задачу для городских властей. На ночь запирались улицы решетками, а где решеток не было, ставились надолбы,

«чтобы воровским людям проходу и проезду не было». Воины с рогатинами, топорами и бердыщами несли сторожевую службу у решеток и надолбов, они должны были задерживать каждого запозднившегося человека, выznавать, кто он есть и куда идет, и провожать домой. Были еще кровельные караульщики, которые дежурили на крышах и оповещали о пожаре. Обезьяние головы контролировали самих караульщиков.

Москворецкая улица и Нижние торговые ряды. Бумага, акварель. 1800–1802 гг. Этой улицы нет на карте современного города. Москворецкая улица спускалась от Красной площади вдоль Средних торговых рядов и собора Василия Блаженного к Москворецкому мосту, связывая Китай-город с Замоскворечьем.

В конце XVIII века разбогатевший Китай-город уже не устраивали грязные и тесные гостиные дворы. Знаменитый Джакомо Кваренги сделал замечательный проект, в котором зодчий хитроумно и изящно использовал уклон местности от Ильинки к Варварке, учредя здание на взгорбке двухэтажным, а в низине трехэтажным и соединив обе части ступенчатым переходом. Но Кваренги был занят в Петербурге, и строительство поручили двум московским умельцам – Селехову и Карину. Они предельно упростили проект, лишив его изюминки, и в конце концов оставили от Кваренги лишь проемы аркад с коринфскими колоннами. И все равно здание было красиво и повысило самоуважение гостинодворцев. Порядком запущенное, оно дожило до наших дней.

Толчком к строительству каменных зданий (в том числе лавок, амбаров, лабазов) послужил опустошительный пожар 1737 года, тот самый знаменитый пожар, когда «Москва сгорела от грошовой свечки». Так оно и было: загорелся чулан в Зарядье от свечки перед иконой; уничтожив Зарядье, он кинулся в верхний Китай-город и оттуда распространился по всей Москве, добравшись аж до Немецкой улицы и Лефортова.

Пожары вообще играли большую роль в московском строительстве. Москвичи не любили ни каменных домов, ни каменных церквей и, несмотря на все царские указы, старались строиться из дерева. Но опустошительные пожары все-таки принудили их обратиться к камню. Постепенно весь Китай-город стал каменным.

Конечно, Китай-город принимал все более цивилизованный вид, но что-то от старого, горластого, буйного, суматошного торжища в нем оставалось даже в исходе XIX века, когда купечество привыкало к визитке и фраку, к изысканной еде и тонким винам, приобщалось к искусству и литературе, меценатствовало, коллекционировало, покровительствовало художникам и музыкантам, в нем по-прежнему крепко отдавало азиатчиной. Интересный и плодовитый писатель Петр Дмитриевич Боборыкин, родившийся еще при Пушкине, а умерший после революции, оставил талантливый и познавательный роман «Китай-город». Иван Тургенев писал о Боборыкине: «Я легко могу себе представить его, на развалинах мира строчащего роман, в котором будут воспроизведены самые последние «веяния» погибающей земли. Такой торопливой плодовитости нет другого примера в истории всех литератур! Посмотрите, он кончит тем, что будет воссоздавать жизненные факты за пять минут до их рождения».

А вот картинка китайгородской жизни из романа Боборыкина:

«В «городе», на площади против биржи, шла будничная дообеденная жизнь. Выдался теплый сентябрьский день с легким ветерком. Солнца было много. Оно падало столбом на середину площади, между громадным домом Троицкого подворья и рядом лавок и контор. Вправо оно светило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широких вывесок с золотыми буквами, пестрых навесов, столбов, выкрашенных в зеленую краску, лотков с апельсинами, грушами, мокрой, липкой шепталой и многоцветными леденцами. Улица и площадь смотрели веселой ярмаркой. Во всех направлениях тянулись возы, дроги, целые обозы. Между ними извивались извозчицы пролетки, изредка проезжала карета, выкидывал ногами серый жирный жеребец в широкой купеческой эгоистке московского фасона. На перекрестках выходили беспрестанные остановки. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжал и махал рукой. Растерявшаяся покупательница, не добрав до другого тротуара, роняла картуз с чем-то съестным и громко ахала. По острой разъезженной мостовой грохот и шум немолчно носились густыми волнами и заставляли вздрагивать стекла магазинов. Тучки пыли летели отовсюду. Возы и обозы наполняли воздух всякими испарениями и запахами – то отдаст москательным товаром, то спиртом, то конфетами. Или вдруг откуда-то дольется струя, вся переполненная постным маслом, или луком, или соленой рыбой. Снизу из-за биржи, с задов Гостиного двора, поползет целая полоса воздуха, пресыщенного пресным откусом бумажного товара, пресованных штук бумагеи, миткал, ситцу, толстой оберточной бумаги.

Нет конца телегам и дрогам. Везут ящики кантонского чая в зеленоватых рогожках с таинственными клеймами, везут распоровшиеся бурые, безобразно пузатые тюки бухарского хлопка, везут слитки олова и меди. Немилосердно терзает ухо бешеный лязг и треск железных брусьев и шин. Тянутся возы с бочками бакалеи, сахарных голов, кофе. Разом обдадут зловонием телеги с кожами. И все это облито солнцем и укутано пылью.

Кому-то нужен этот товар? «Город» хоронит его и распределяет по всей стране. Деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товарами в этом рыночном воздухе, где все жаждут наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не продать, не купить.

...Снизу от Ножовой линии, сбоку из Черкасского переуллка, сверху от Ильинских ворот ползет товар, и над этой колышущейся полосой из лошадей, экипажей, возов, людских голов стоит стон: рубль купца, спина мужика поют свою нескончаемую песню...»

Очень резвился Китай-город в Фомин понедельник. Русское купечество избрало день святого апостола Фомы, чтобы на ярмарке-гулянке сбыть московским жителям гнилые

товары и вышедшие из моды вещи. И хотя все москвичи знали, что это надувательство, соблазн дешевых цен был велик, и с раннего утра весь город валом валил в ряды. «Московская модная красавица... попадая в своем огромном чепце, чопорная купчиха, скромная портниха и горничная девушка, жена приказного и кухарка, пожилой помещик со своей семьей и молодой франт без семейства» чуть ли не дерутся из-за вышедшей из употребления материи, гнилых перчаток, жалких браслетов и кусочков лент.

«Для людей, нечистых на руку, эта давка в Гостином ряду – настоящий сенокос: бывает, что иной, торгуя лоскут канифаса, нещадно тащит кусок материи под шинель и развешивает его там на нарочно пришитых острых крючках; чиновница-аферистка, будто в рассеянии, вместе с носовым платком сует в свой огромный ридикюль огромную деревяшку с мотком лент, а между тем какой-нибудь шалун, пользуясь всеобщим смятением, сшивает на живую нитку ветхий капот старой кухарки с богатым бурнусом московской красавицы... Все это живо, пестро, разнообразно; это веселый муравейник людей, в котором, если б не было страшной суматохи, не было никакого очарования...»

Угомонился Китай-город уже в нашем веке, когда его торговля сосредоточилась в Верхних и Средних торговых рядах. Верхние ряды стали Торговым домом ГУМ, главным универсальным магазином Москвы, куда ежедневно тянутся тысячи и тысячи покупателей. Таким образом, Китай-город не изменил своему торговому прошлому.

Надо сказать, что в историю Москвы, а стало быть, и в историю страны Китай-город вошел не только как великое торжище. Он имеет заслуги перед русской культурой, искусством, просвещением.

С. Волнухин. Памятник «Николая Чудотворца Гостунского дьякону Ивану Федорову» в Театральном проезде близ бывшего Печатного двора.

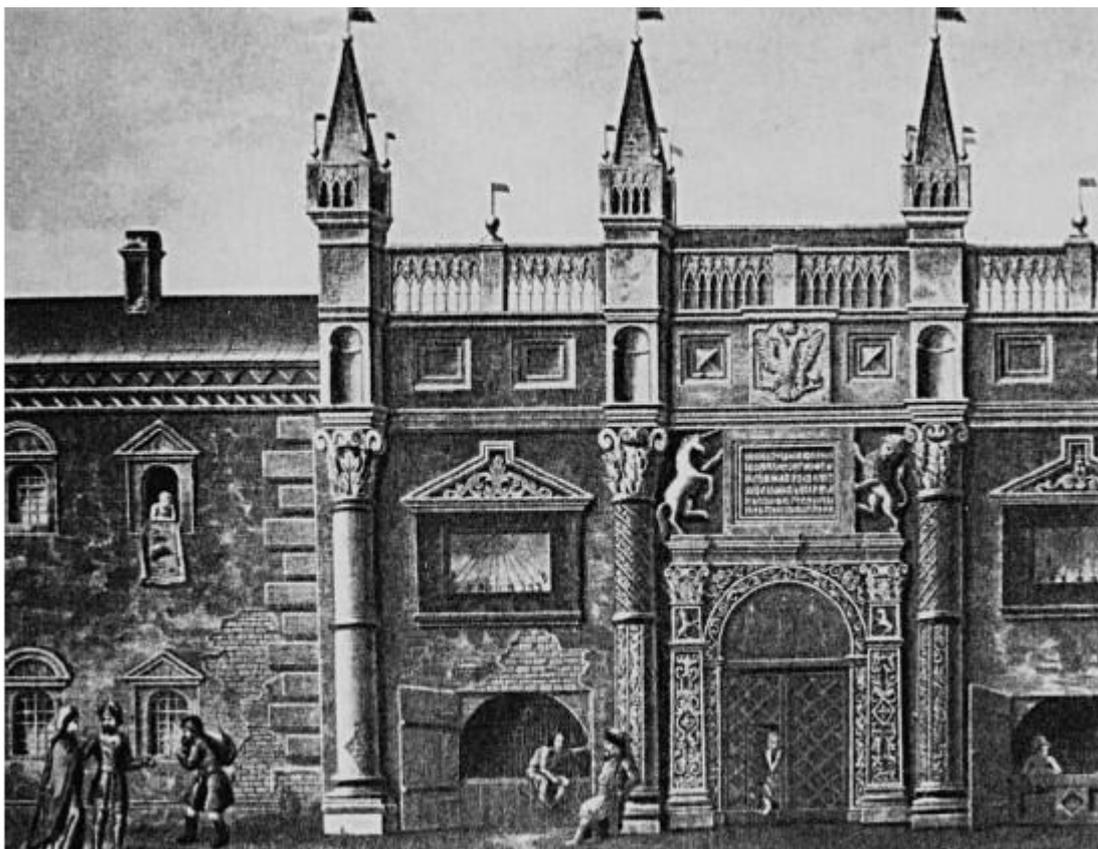
1909 г. Фото 1970-х гг.

И. Ф. Федоров (около 1510–1583) был дьяконом церкви Николая Чудотворца Гостунского в Кремле.

В 1565 г. издал «Часовник» – основную учебную книгу в России XVI – нач. XVII в.

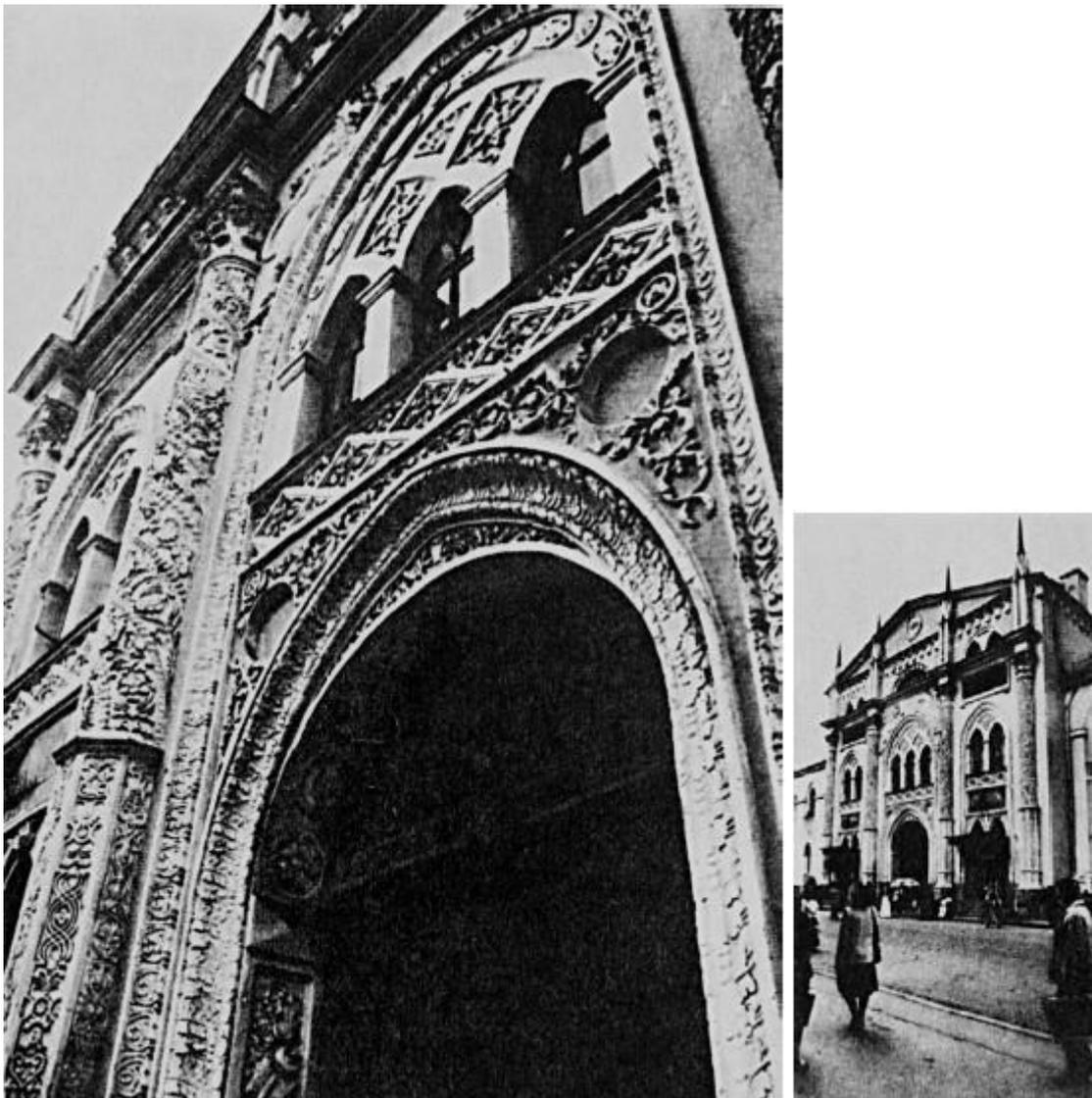
Памятник первопечатнику Ивану Федорову работы скульптора Волнухина не зря поставили возле Китайской стены. Позади него когда-то находилась первая русская типография – Печатный двор, построенный повелением царя около 1553 года. Царя гневало, что

переписчики церковных книг по небрежности, темноте, а порой по игре беспокойного ума перевирают священные тексты. Лишь печать могла гарантировать канонический текст.

Государев Печатный двор с типографией Ивана Федорова в 1550-х гг. Бумага, акварель. Кон. XVII в. Это первая московская государственная типография, основанная около 1553 г. на Никольской улице. Название улицы происходит от Николаевского (Никольского) греческого монастыря, когда-то расположенного в этой местности.

Во главе Печатного двора поставили бывшего дьякона Ивана Федорова. Помощником у него был Петр Мстиславец. Иван Федоров был овдовевшим дьяконом, поэтому его отставили от церковной службы. Историк Уланов полагает, что это и заставило его заняться книгопечатанием. Иван Федоров не только досконально изучил печатное дело, он прекрасно владел пером, его послесловия обнаруживают литературный дар, знакомство и с церковной, и с публицистической литературой – сочинениями Максима Грека и его знаменитого ученика князя Андрея Курбского. Он умел отливать формы для букв и сами буквы, а также делать пуансоны – резанные из стали буквы для выбивания из меди матриц.

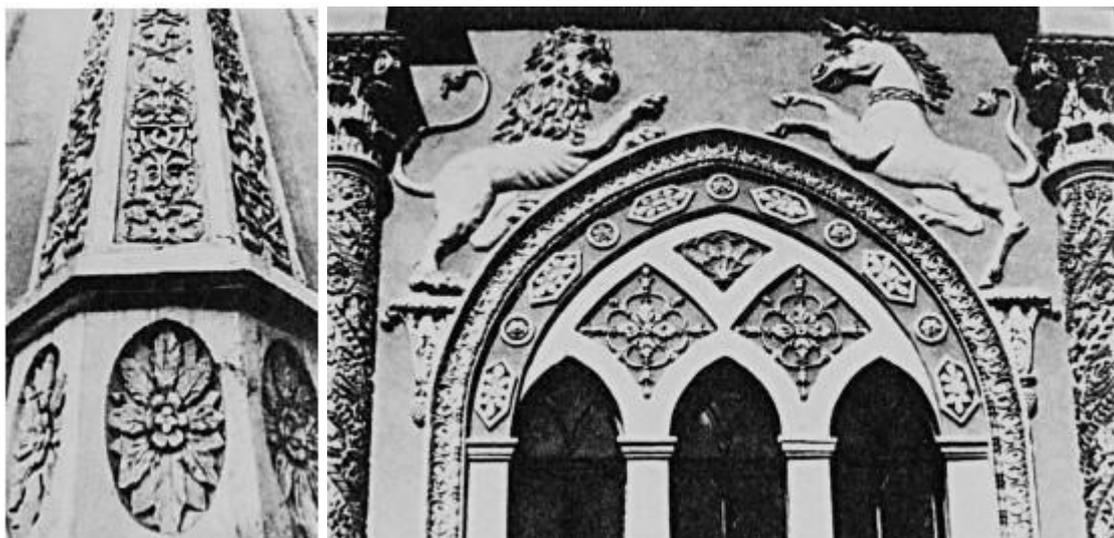

И. Мироновский, А. Бакарев. Здание для Синодальной типографии на Никольской улице и фрагмент фасада. 1814 г.

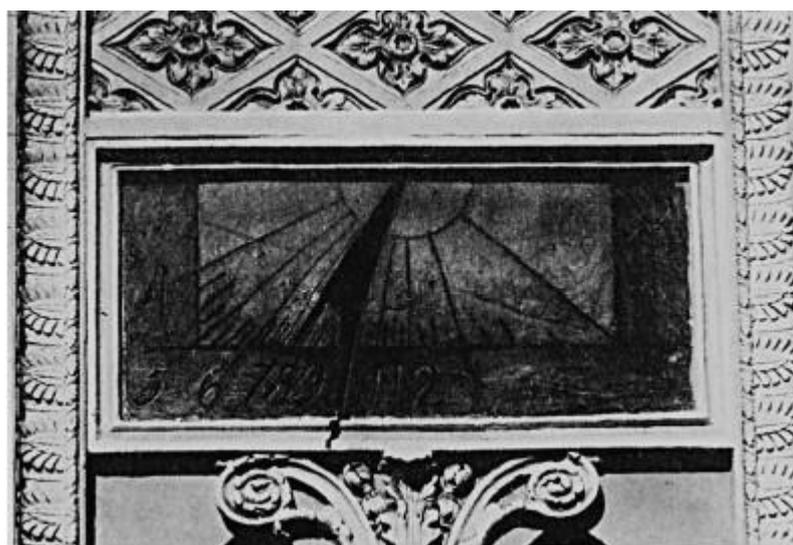
Фото 1994 г. Синодальная типография открылась в 1721 г. в помещении бывшего Печатного двора.

Подчинялась Синоду – отсюда ее название.

Более десяти лет понадобилось Федорову и Мстиславцу, чтобы выпустить первую на Руси книгу «Апостол». Гравировальные доски и шрифт заказывали за границей, одновременно обучали печатному делу русских юношей из подьяческих сыновей. Наш отечественный Гуттенберг был печатником милостью Божьей: первая книга отличалась тонким вкусом, строгим изяществом. Но не бывало еще, чтобы новь приходила без сопротивления. Обиженными оказались все переписчики и монастыри, получавшие хороший доход за рукописные книги. Типографии сожгли (есть очень интересный роман Алексея Ремизова об этом трагическом событии, написанный как бы от лица поджигателя – переписчика книг), а против Федорова и его подручных выдвинули обвинение в колдовстве. За это по тем суровым временам полагалась казнь через сожжение в срубе. И даже грозный царь не смог защитить своих мастеров. Им пришлось бежать в Литву. А Иван Васильевич, разобидевшись на церковников и бояр, уехал в Александровскую слободу, куда вывез и типографию. Пройдет немного времени, и Печатный двор вернется на старое место, где, меняя название, просуществует до 1918 года.

Фрагменты оформления фасада здания для Синодальной типографии, Фото 1994 г. В XVIII – нач. XIX в. – крупнейшая московская типография, издававшая главным образом богослужебные книги и труды по богословию. При типографии находилась Синодальная книжная лавка.

Солнечные часы на фасаде здания для Синодальной типографии. Фото 1994 г. Здание построено в стиле псевдоготики. Фасад украшен скульптурой и белокаменным архитектурным орнаментом.

Царь Федор Алексеевич, склонный к образованию и литературе, что не помешало ему сжечь первого великого русского прозаика, протопопа Аввакума, поставил здесь Правильную палату, по-нашему корректорскую. Здесь же по воле церковных властей стала действовать цензура, сыгравшая столь пагубную роль в русской литературе.

И первая русская газета, основанная Петром, – «Ведомости» – печаталась здесь же.

Фронтиспис и начальная страница «Апостола» – первой датированной русской печатной книги. И. Федоров и П. Мстиславец, опираясь на традиции рукописной литературы и используя лучшие образцы работ южнославянских и итальянских мастеров печатного дела, издали ее 1 марта 1564 г.

Во время войны с Наполеоном, когда он шел на Москву, у входа в типографию раздавались военные сообщения. И хотя, как всякие сообщения из отступающей армии, они были выдержаны в туманно-успокоительном духе – мол, дали крепкий отпор противнику, понесшему тяжелые потери, после чего стройно отошли на заранее подготовленные позиции, – народа там всегда толкалась уйма. Отсюда вышла и первая патриотическая афишка московского генерал-губернатора графа Ростопчина в псевдорусском стиле. Стоит привести почти целиком дружеское послание главнокомандующего в Москве к жителям ее. Тут говорится о некоем целовальнике и московском мещанине Корнюшке Чихирине, «который, быв в ратниках и выпив лишний крючок на Тычке, услышал, будто Бонапарт хочет итти в Москву, разсердился, разругал скверными словами всех французов, вышел из питейного дома и заговорил под орлом собравшемуся народу: «Как! К нам? Милости просим, хоть на масленицу; да и тут жгутами девки так пропоняют, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сидит ка лучше дома да играй в жмурки, либо в гулючки. Полно тебе фиглярить: вить солдаты-та твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онучь не наденут. Ну где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-та и останутся, так крещенские морозы поморят... право так, все беда: у ворот замерзать, на дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печках обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить... Посему и

прочее разумевай, не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков есть русский народ»».

Потом Чихирин пошел и бодро запел: «Во поле береза стояла», а народ, смотря на него, говорил: «Откуда берется? А что говорит дело, то уж дело!»

Самое любопытное, что в конечном счете так и оказалось, как предрекал французам лихой Корнюшка Чихирин, выпивший лишний крючок на Тычке. И пусть в светском обществе издевались над лубочными писаниями графа Ростопчина, народу его афишки нравились, они веселили и поднимали дух, наивная вера их автора в крепость русского характера была умнее придворного скепсиса. Граф Ростопчин надолго задал тон отечественной журналистике. Еще недавно, читая материалы центральных газет, обращенные к зарубежью, я нередко слышал молодецкий голос Корнюшки Чихирина.

Собор Спаса Нерукотворного Образа монастыря Всемилостивейшего Спаса на Никольском крестце, что за Иконным рядом (Заиконоспасский монастырь). Литография. XIX в. Монастырь возведен в 1660–1661 гг. Собор в 1771–1720 гг. архитектором круга И. Зарудного. В 1687–1814 гг. в монастыре помещалась Славяно-греко-латинская академия.

После победы над Наполеоном архитекторы И. Мироновский и А. Бакарев построили то здание типографии в псевдогоthicеском стиле.

Портрет Михаила Ломоносова. Гравюра. XVIII в. М. В. Ломоносов (1711–1765) – ученый-энциклопедист. Своими открытиями обогатил почти все области знания. Заложил основы современного русского литературного языка.

Начало высшего образования в Москве связано с Китай-городом, с той же Никольской улицей, где находился Печатный двор. Свое название улица получила по Никольскому монастырю. А возникла эта древняя московская улица из большой оживленной дороги, идущей к Ростову Великому, Суздалью и Владимиру. Только называлась она тогда Сретенской. А вот когда поднялась стена Петрока Малого, улица разделилась. Та, что за стеной, сохранила свое старое название, а та, что отошла к Китай-городу, стала Никольской.

Портрет Антиоха Кантемира. Гравюра Вагнера. XVIII в. А. Д. Кантемир (1708–1744) – писатель-сатирик, философ-просветитель. Его творчество сыграло значительную роль в развитии русского литературного языка и стихосложения.

С западной стороны Никольского монастыря был построен в 1660 году Спасский монастырь, который народ переименовал в Заиконоспасский, поскольку он стоял за иконным рядом. Просветитель и поэт дней Алексея Михайловича Симеон Полоцкий устроил при монастыре школу, где обучались молодые подьячие, среди них Семен Медведев, принявший постриг под именем Сильвестра, выдающийся ученый и писатель той поры. Учили здесь «по латыням и по грамматическому учению». Через семь лет после смерти Симеона Полоцкого было создано Славяно-греко-латинское училище, позже переименованное в академию, – первое высшее учебное заведение в Москве и второе в России; до этого академия была учреждена в Киеве. Оттуда пришли в Москву известные просветители братья Лихуды, греки по происхождению.

Фронтиспис и начальная страница книги «Арифметика – сиречь наука числительная» Л. Магницкого. Учебник был просмотрен и одобрен Петром I. Издан в 1703 г. типографией Печатного двора.

Это училище дало русской культуре многих замечательных деятелей, среди них – великий ученый, поэт и художник Михаил Ломоносов, поэт Антиох Кантемир, поэт и просветитель Василий Тредиаковский, зодчий Василий Баженов, географ, исследователь Камчатки Каташихин, математик Магницкий. Каждый из них пользовался славой и уважением при жизни в соответствии со своими заслугами, даже несчастный Баженов, испытавший на себе всю тяжесть ненависти Екатерины II. За исключением Василия Кирилловича Тредиаковского.

Это фигура трагическая, не понятая современниками и до сих пор не получившая должного признания. С юных астраханских дней поповский сын Василий был одержим страстью к учению. Его отметил Петр, побывавший в Астрахани по пути в Персию во время русско-персидской войны. Заломив юноше мягкий чуб, Петр долго вглядывался в его глаза и сказал, будто жалеючи: «Вечный труженик!» Царь как в воду глядел. Такого трудолюбия не видела русская земля, но как мало благодарности получил Тредиаковский за все свои труды! Он привил России классицизм, реформировал русскую поэзию, введя силлабо-тоническое стихосложение взамен силлабического. Он был первым русским академиком в набитой немцами Российской академии. Но при дворе он был чуть ли не на положении шута. Кабинет-министр Артемий Волынский нещадно истязал его, требуя непристойных стихов на свадьбу шута Квасника с шутихой Бужениновой. Тредиаковский писал стихи куда неумелее не только Ломоносова, но и Сумарокова и все же единственный в свое время проговорился истинной лирикой:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
Россия мати! свет мой безмерный!..

Или это:

Красное место! Драгой берег Сенеки!

Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя...

Или так вот, весело:

Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.

У Третьяковского начинают появляться поклонники в наши дни. Известный поэт-просветитель Андрей Вознесенский восторгается его двустрочием: «Императрикс Екатерина, о! // Поехала в Царское Село». В междометии «о» он видит маленькое круглое зеркальце, в которое смотрелась перед прогулкой императрица. Это очаровательно! Беда лишь в том, что Третьяковский никогда не писал этих виршей, являющих собой злую пародию Козьмы Пруткова на бедного стихотворца.

До сих пор каким-то чудом сохранился Спасский собор Заиконоспасского монастыря. Здание очень нарядно со своими широкими окнами и легкими, голландского типа рамами, парапетами и балясинами изящного рисунка, а венчает его колонная беседка, придающая воздушность большому строению. С улицы храм не просматривается, но когдаходишь во двор, он поражает, как чудо. В том же дворе можно увидеть двухэтажный теремок, часть Правильной палаты, – уникальный памятник старины.

А. Вебер. Здание (в основе XVIII в.) гостиницы и ресторана «Славянский базар» на Никольской улице. 1871 г. Фрагмент фасада.

Фото 1994 г. Гостиница была открыта в 1872 г. А. Пороховщиковым. 26 июня 1898 г. в ресторане «Славянский базар» произошла встреча К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, положившая начало МХАТу.

В первой четверти XVIII века Никольскую называли улицей просвещения. Книготорговец Глазунов перенес сюда со Спасского моста свою книготорговлю, приобретя для этого самый большой дом на улице, принадлежавший прежде князьям Черкасским (в их память названы два переулка: Большой и Малый Черкасские). Огромный магазин Глазунова славился на всю Россию, здесь бывал, приезжая из Петербурга, Пушкин, а библиотекой для чтения, устроенной при магазине, пользовался Белинский.

Глазунов был не просто торговцем, а фанатиком книги. Он предвосхитил тот тип русских предпринимателей, ярчайшим воплощением которых стал Савва Мамонтов, покровитель художников русского начала (сам одаренный скульптор), создатель знаменитой Частной русской оперы, где Сергей Рахманинов обрел себя как дирижер и помог музыкальному становлению Федора Шаляпина; рядом можно поставить Савву Морозова – ему многим обязан Московский Художественный театр, коллекционеров Третьяковых и Щукина.

Позднее Глазунов купил здание, принадлежавшее Академии наук и ставшее впоследствии знаменитой аптекой Феррейна. За этим домом была россыпь букинистических лаво-

чек. Коллекционер П. И. Щукин писал: «Типичными из букинистов здесь были Платон Львович Байков и Афанасий Афанасьевич Астапов. Лавочка Байкова находилась ближе к Никольской и, будучи темной, освещалась и днем коптившей керосиновой лампой, висевшей на потолке... Лавочка Астапова находилась ближе к Проломным воротам, а сам он жил рядом с лавочкой в миниатюрном помещении, которое так было заставлено полками с книгами, что в нем едва можно было повернуться».

К исходу XIX века Никольская стала одной из самых уважаемых московских улиц и наряду с Ильинкой украшением московского Сити. Здесь находились конторы, как тогда говорили – амбары, крупнейших московских торговых обществ, гостиницы, излюбленные купечеством, в том числе «Славянский базар», чей ресторан по праву гордился своей русской кухней: стерлядкой кольчиком, солеными хрящами, ботвиньей, ухой с расстегаями, поросенком с хреном и прочими сытными русскими блюдами.

В этой гостинице останавливались Репин, Чайковский, Римский-Корсаков, чешский композитор Дворжак, Чехов. Здесь жил знаменитый полярный исследователь, создатель Фонда помощи голодающим Фритъоф Хансен.

А помните из «Дамы с собачкой»: «Приехав в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас посылала к Гурову человека в красной шапке». А вот так начинаются «Мужики»: «Лакей при московской гостинице «Славянский базар», Николай Чикильдеев, заболел. У него онемели ноги и изменилась походка, так что однажды, идя по коридору, он споткнулся и упал вместе с подносом, на котором была ветчина с горошком...» Умирая в деревне, Николай мечтательно вспоминал: «Об эту пору в «Славянском базаре» обеды...» То была его поэзия. И все-таки не знаменитыми постояльцами, не ветчиной с горошком и стерлядкой кольчиком вошел «Славянский базар» в историю русской культуры: здесь в июне 1897 года состоялась историческая встреча. Два неизвестных в Москве человека – актер-любитель Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев) и драматург Владимир Иванович Немирович-Данченко – были захвачены идеей создания нового театра, какого еще не знала Россия. Так за столиком «Славянского базара» с хрустящей накрахмаленной скатертью возник Московский Художественный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.